Кошки-мышки

Автор:
Наталья Тимошенко

Кошки-мышки

Наталья Васильевна Тимошенко

Игры со смертью #1

На первый взгляд Никита Кремнев – обычный университетский преподаватель. Но те, кто знакомы с ним ближе, знают, что Никита – экстрасенс. Он может взять мертвого человека за руку и рассказать, что тот чувствовал и слышал перед смертью. Поэтому, когда в городе появляется маньяк, убивающий людей и забирающий у них сердца, полиция просит Никиту о помощи. В ассистентки ему набивается студентка Яна, которой снятся сны, явно связанные с убийствами. Пока полиция ищет маньяка по своим каналам, Никита и Яна отрабатывают версии, лежащие за границами рационального мышления. И, похоже, именно они выйдут на убийцу раньше. Особенно если тот сам шагнет им навстречу, предложив сыграть в смертельную игру.

Наталья Тимошенко

Кошки-мышки

Пролог

Утро началось с того, что я проспала будильник, а закончилось тем, что я умерла. Необычный выдался денек, да…

В этот южный город я переехала недавно. Не то чтобы так уж хотелось погреть косточки под жарким солнцем, до которого еще несколько месяцев довольно мерзкой, по меркам северного человека, меня то бишь, зимы, но в родном городе жизни мне не дали бы, а потому пришлось искать новое место. В моем ремесле репутация – важное дело. Это вам не продавец какой-нибудь или инструктор по плаванию, который может уволиться с одного рабочего места и найти другое через дорогу. Для меня потеря репутации – потеря средств к существованию. А все потому, что я – ведьма. Настоящая, не какая-нибудь шарлатанка. Была бы я шарлатанкой, наврала бы той важной клиентке с три короба! Яйцом вареным по фотографии поводила бы, денег взяла и отпустила восвояси, пообещав, что сопернице ее недолго осталось. Но я настоящая, к тому же еще и белая ведьма. Порчу снимаю, от испуга шепчу, удачу привлекаю, тяжесть душевную лечу. Привороты не делаю и смерть с болезнями ни на кого не навлекаю. Вот так и сказала клиентке. А она разозлилась. Видать, никто раньше отказывать ей не смел, а я отказала. Еще и добавила, что ежели она к кому другому пойдет и на соперницу ее порчу все-таки наведут, то ей же самой все и вернется, только во сто крат сильнее. Предупредить хотела, дело доброе сделать, чтобы не брала грех на душу, а она ответила, что, если с ней что-то случится, если я «накаркаю», жизни мне она не даст.

Честно говоря, я вообще не понимаю выражения – «накаркать». Каркают вороны, которых я, ничего что ведьма, недолюбливаю. Мерзкие птицы, скажу я вам. Однажды мне довелось лицезреть, как две вороны воюют с бомжом за куриную косточку из мусорки. Нет, глаза вас не подвели, вы верно прочитали. Две. Вороны. Воюют. С бомжом. За косточку. С тех пор эти помойные птицы в моем мире так и остались на одном социальном уровне с бомжом. Не понимаю, откуда пошло поверье, что вороны – непременные спутники людей моего круга.

Уж не знаю, ходила ли та важная клиентка к кому-то другому, правда ли порча на нее вернулась, или же просто из вредности, но мстить она мне начала.

Сначала меня взяла за жабры налоговая. Ну да с ними у меня разговор короткий, налоги я плачу. Такие структуры обманывать себе дороже. Поэтому ушли восвояси. Потом была еще куча инстанций, некоторые пару штрафов выписали. Я думала, на этом клиентка успокоится, но зараза мстительная оказалась. Мстительная и при связях. Шутка ли: жена высокопоставленного чиновника в нашем городе. И начала распускать про меня слухи. А слухи в моем деле в сто раз хуже налоговой. Кто пойдет к ведьме, про которую говорят, что она шарлатанка?

Сначала перестали приходить новые клиенты. Я не сразу напряглась, старых хватало. А вот когда и они начали потихоньку отсеиваться, тут уж я труханула, не буду скрывать. У меня ипотека, кредит на машину. А кубышка сохнет. Вывела я одну давнюю клиентку на откровенный разговор, та и поведала, кто за всем стоит. В общем, собрала я пожитки и уехала в другой город. Но совершила роковую ошибку: сообщила постоянным клиентам новый адрес.

Не прошло и пары месяцев, как мстительная зараза прознала, куда я делась, и начала травлю заново. Сложно с человеком, у которого много свободного времени и еще больше связей и возможностей. Кто-то салон красоты открывает, кто-то собачек разводит, а она вот ведьм выживает…

В третьем городе прежней ошибки я не повторила. И хоть сложно ведьме нарабатывать новую базу клиентов, но уж лучше начать с нуля, чем опять все потерять. А о том, что ищет меня зараза, я слышала. И скрывать не стану: боялась. Потому что я хоть и ведьма, хоть и открыто мне многое из того, что скрыто от других людей, но все-таки в материальном мире я слабая, а теперь еще и бедная женщина, которой некому подставить плечо. И сражаться с проблемами приходится самой. Вот я и сражалась, как могла.

Квартиру пришлось снять крохотную, однокомнатную, в дешевом районе. Что, безусловно, минус: в туристических местах поток потенциальных клиентов значительно больше, а значит, велика вероятность, что кто-нибудь из них захочет расстаться с деньгами. Отдыхающие легко с ними расстаются. Удивительная психология у людей: дома будут на всем экономить, чтобы раз в год сорить купюрами направо и налево.

Первые несколько месяцев пришлось жить практически впроголодь. Клиентов не было, постоянных – тем более. Однако слухами земля полнится, вот и обо мне стали передавать весточки по сарафанному радио. А такое радио для ведьмы куда более полезное, чем объявление на столбе. И клиенты потихоньку потянулись. Появились даже постоянные, хотя тех, кто приходит один раз и потом не показывается, пока большинство. Вот и в этот день я ждала одного из таких, залетных, как я их называю. Залетят один раз – и только их и видели.

Будильник я проспала, а потому до прихода клиента сгонять в магазин уже не успела. Пришлось завтракать пустым чаем, а это всегда риск: как заурчит в животе во время сеанса! Кто ко мне придет после такого? Мне еще предстояло привести единственную комнату в приличный вид, создать некое подобие

магической обстановки. Раньше я никогда таким не грешила, клиенты и так знали, на что я способна, даже если на столе не стоит сотня свечей, а на пальцы не нанизаны десятки колец. Но теперь… Ай, что повторяться?

Домофон зазвонил раньше, чем я рассчитывала.

– Иду! – зачем-то крикнула я, запихивая подушку в тесный шкаф. Подушка не влезала, я злилась, а домофон все звонил и звонил.

Если бы я тогда знала, что впускаю в квартиру собственную смерть! К сожалению, ведьмы не умеют предвидеть будущее.

Смерть вошла в прихожую стремительно, и я сразу почувствовала, что что-то не так. То ли в ее облике что-то подсказало, то ли включилось экстрасенсорное восприятие. Я попросила человека, принесшего ее, проходить в комнату, лихорадочно соображая, как открыть дверь, чтобы он ничего не услышал, но не успела. Едва только взялась за ручку, как что-то острое, колючее впилось через платье в плечо, отнимая силы. Ноги мгновенно стали ватными, подогнулись, будто из них исчезли кости. Дверная ручка выскользнула из пальцев, но на пол я не упала. Смерть подхватила меня и закружила в стремительном водовороте, меняя пол и потолок местами, приглушая звуки, надувая перед глазами переливающиеся разными цветами мыльные пузыри.

А потом я умерла. И последнее, что успела, – это попытаться задержаться в этом мире хоть в каком-нибудь образе, чтобы помочь тем, кто будет расследовать мою смерть, найти и наказать убийцу.

Глава 1

На последнем этаже огромного здания, принадлежащего холдингу «Модный дом Николая Сатинова», было до рези в глазах светло и по-зимнему холодно. Многочисленные окна от пола до потолка пропускали солнечные лучи и почти не удерживали тепло. Приходя сюда зимой, Саша всегда сочувствовал девочкам-секретаршам, которые вынуждены были терпеть этот холод в капроновых чулках и легких блузках. Он втайне подозревал, что количество косметики на их

лицах было не столько данью моде, сколько попыткой скрыть посиневшие губы и бледные щеки. Потому что такие окна – красиво, конечно, но совершенно не практично даже в довольно теплом климате.

Осенью, приходя сюда, Саша не снимал форменную куртку, но зимой в ней было слишком жарко, приходилось оставлять в шкафу на ресепшн, поэтому он тоже прилично мерз и сочувствовал девушкам еще сильнее. Поднимаясь в стеклянном лифте на пятый этаж, Саша на минуту представил, что мог бы тоже работать здесь, носить дорогущий костюм с галстуком, туфли ценой в месячный бюджет местной швеи, и содрогнулся. Нет, все-таки он сделал правильный выбор, отказавшись от такой участи.

На первом этаже здания располагались выставочные залы, конференц-зал и ресторан для уважаемых гостей, которых всегда приезжало много во время очередного показа коллекций. Второй и третий этажи были отданы под швейные цеха и складские помещения, а на четвертом и пятом располагались офисы. Офис генерального директора, как и остальных членов совета директоров, конечно, занимал последний этаж. Туда и направлялся Александр Николаевич Сатинов этим утром.

Едва только выйдя из лифта, Саша столкнулся с Виолеттой – старшей сестрой. Летта, как ее все называли, несмотря на свои совсем молодые двадцать пять, уже была главным дизайнером, и заслужила она это место вовсе не тем, что была средней дочерью Николая Сатинова. На Сашин взгляд, сестра просто была безумно талантливой. И хоть он почти не разбирался в моде, но глаза ему были даны природой для того, чтобы видеть, а мозг, чтобы анализировать, и он знал, как встречают каждую ее коллекцию.

Но сейчас на сестре, что называется, лица не было. Веселые кудряшки этим утром торчали в особенном беспорядке, а на высоком лбу даже блестели капельки пота, хотя одета Летта была еще легче, чем секретарь у стойки.

– Ох, это ты! – вздохнула она, когда Саша окликнул ее, поскольку Летта умудрилась обойти его, даже не взглянув на того, кто чуть не сшиб ее с ног.

– Что-то случилось?

– Случилось! – Сестра остановилась и посмотрела на него едва не плача. – Поставка ткани задерживается! И если она не приедет к выходным, мы не успеем пошить платье.

Саше даже не потребовалось уточнять, какое именно платье так волнует сестру. В скором времени должна была состояться свадьба Виолетты с сыном одного из главных партнеров МД Сатинова, событие это наверняка будет широко освещаться в прессе, поэтому Летта собиралась выглядеть сногсшибательно. И заказала какую-то особенную ткань для платья, в которой Саша тоже не разбирался.

Пришлось потратить несколько минут на попытку успокоить переживающую невесту, и к концу разговора Летта даже улыбнулась. Чего-чего, а умения уговаривать Саше всегда было не занимать. Профессия накладывала отпечаток: кто не умеет уговаривать, тот работает вдвое больше остальных, как любит говорить его начальник. А начальник знает толк в работе, сам пятнадцать лет участковым инспектором отпахал.

Разговор с отцом много времени не занял. У того было назначено совещание на десять часов, поэтому он просто вручил Саше необходимую для покупки костюма сумму и попросил не опаздывать на свадьбу. Каждый раз, получая наличные в конверте, Саша удивлялся тому, как человек, основавший и уже долгое время не просто удерживавший на плаву, но и активно развивающий прибыльную фирму, может быть таким ретроградом. Отец терпеть не мог пластиковые карты и везде, где это было возможно, пользовался наличными деньгами.

К опорке добрался быстро, почти не опоздал к тому времени, как на аудиенцию потянутся жалобщики.

– Опять к бате ездил? – с неприкрытой завистью и изрядной долей ехидства поинтересовался дежурный, когда Саша вошел в полутемное прохладное помещение. Сатинов был уверен, что дежурный только-только плюхнулся в кресло, а до этого пялился в окно на его новенький БМВ.

– А куда ж еще? – расплылся в улыбке Саша. – К свадьбе сестренки надо быть при параде, а откуда у простого участкового деньги на дорогой костюм?

Дежурный хмыкнул, и Саша ясно различил в этом звуке совет продать машину. Машина, кстати, тоже на отцовские деньги куплена, чем его часто попрекали за спиной коллеги. Правда, Саша не понимал, почему вдруг он не должен брать деньги у отца, если тот предлагает. Просить он никогда не просил, но если дают, что ж не брать? Это ведь не взятки от населения, которыми не брезгуют некоторые коллеги.

У кабинета ждали двое: высокий худой мужчина со спущенной на подбородок маской, которого Саша видел впервые, и злобная сухонькая старушка, уже известная жалобщица. Интересно, на что будет жаловаться сегодня? На девочку-пианистку с пятого этажа или тараканов из квартиры напротив?

– Клавдия Никитична, опять вы? – вздохнул Саша, проходя мимо нее к двери кабинета и нарочито не глядя на женщину.

– Я по делу, Александр Николаевич! – Старушка резво поднялась со стула, намереваясь войти за участковым в кабинет сразу, не давая ему даже раздеться.

Еще бы не по делу. Она всегда приходит по делу, правда, дела эти… яйца выеденного не стоят.

– Проходите, – с опозданием разрешил Саша: Клавдия Никитична уже сидела на стуле для посетителей в его кабинете, и Саша некстати подумал, что еще немного, и спинка стула изогнется дугой ровно под спину старушки, настолько часто она на нем сидит. – С чем на этот раз, Клавдия Никитична?

Посетительница подождала, пока он повесит куртку в шкаф и сядет за стол напротив, только после этого наклонилась к Саше, едва не столкнув со стола внушительную гору папок, разобрать которые у него никак не доходили руки. Вот даже на стол выложил, думая, что это сподвигнет наконец заняться ими, но где там! В работе участкового всегда найдутся более важные дела.

– Соседка моя… Ритка… того, кажется.

– Чего – того? – не понял Саша.

– Умерла.

Темные Сашины брови взлетели вверх, спрятавшись под модно подстриженной челкой. На соседку Маргариту Андрееву Клавдия Никитична жаловалась чаще всего. А все потому, что Андреева называла себя ведьмой и публика к ней ходила соответствующая. Новая соседка у старушки появилась всего пару месяцев назад, а заявлений на нее у Саши уже хранилось с десяток.

– В каком смысле?

– А в таком! Сплю я сегодня ночью, никого не трогаю. Тишина в доме, даже Полинка Михайлова свое пианино не открывала. И вдруг чувствую: есть кто-то в комнате. Открываю глаза, а возле окна фигура стоит. Я заорать хотела, да вовремя сообразила: если вор, то лучше молчать. Возьмет свое, меня не тронет, зато я его рассмотрю получше. Прикрыла глаза, лежу тихонько. А он все стоит и стоит, не шевелится. Не похож на вора.

– Не похож, – согласился Саша. Он пока не видел связи между рассказом и утверждением о смерти соседки, а потому тот уже начал утомлять.

– Я глаза чуть шире приоткрыла, – продолжала Клавдия Никитична, – чтобы рассмотреть получше. Глядь – а это соседка моя, Ритка! Стоит и молчит. Уж не лунатик ли она, думаю. Но даже если так, то как в квартиру вошла? Я ж всегда закрываюсь, да не только на замок, но и на цепочку! Если б и стащила где-то ключ, то как цепочку сняла? И тут я поняла, что не Ритка это!

Клавдия Никитична сделала мхатовскую паузу, внимательно глядя на Сашу и явно ожидая вопроса, и он не стал ее разочаровывать:

– А кто?

– Призрак!

Призрак, значит. Нет, он всегда знал, что у старушки не все дома, нормальный человек не станет писать такое количество жалоб и проводить по полдня под его дверью, но вот про призраков она еще ни разу не втирала. Надо бы найти телефон ее сына, где-то записан, да рассказать тому, что матушка совсем плоха. Похоже, пора ей передислоцироваться под дверь психиатра, а не участкового.

А Клавдия Никитична, не замечая выражения его лица, продолжала:

– Я сначала испугалась, а потом тихонько нащупала под одеялом крест на груди, сжала его и начала читать Отче наш!

– Помогло? – вздохнул Саша.

– Помогло! – закивала посетительница. – Только я дошла до «хлеб наш насущный», как Ритка дрогнула, а потом исчезла. В воздухе растворилась!

– Прям растворилась?

– Ей-богу!

До десяти лет Сашу вместе с Виолеттой практически растила бабушка по отцовской линии. Отец тогда активно строил модную империю, мать была занята собой и своей красотой, которая после третьих родов сдала позиции, поэтому младших детей часто отправляли к родственнице, позволяя оставаться дома только Сергею, самому старшему. Так вот бабушка была человеком набожным, каждый вечер читала молитвы, по всем праздникам ходила в церковь, настояла на крещении внуков, а потому Саша знал, что употреблять имя Божье всуе верующим людям, к каким явно причисляет себя Клавдия Никитична, раз носит крест на шее и знает молитвы, не рекомендуется. Но какое дело до церковных рекомендаций женщине, которую ночью посетил призрак?

– И поэтому вы решили, что ваша соседка умерла? – уточнил Саша.

– Ну а как же? – удивилась Клавдия Никитична. – Разве ж у живых призраки бывают?

Он собирался сказать, что и у мертвых не бывают, но промолчал.

– И что вы от меня хотите?

– Как что? Чтобы вы пошли со мной и вскрыли квартиру! Это же просто.

Действительно, что тут сложного? Вытащил участковый из сейфа отмычку и пошел вскрывать квартиру. А основание? А родственники? А понятые? А если вскрыл, а там живая дамочка в ванной полощется, а тут ты такой красивый?

– Клавдия Никитична, я не могу вскрывать квартиру только потому, что вы видели призрак жилички… – Саша вовремя успел прикусить язык и не вставил «якобы».

Однако Клавдию Никитичну не так-то просто было сбить с намеченной цели. И ведь не первый день ее знает, должен был догадаться, чем дело обернется!

– Воняет! – глядя ему в глаза, заявила женщина.

– Что воняет? – продолжал тормозить Саша.

– Из-за двери у нее воняет.

– Чем?

Нет, он сегодня определенно не выспался!

– Трупом!

Ведь только что выдумала, ну только что!

– Клавдия Никитична…

– И жилички уже несколько дней не видать, – продолжала гнуть свое профессиональная жалобщица. – А вдруг ее убили?

– Кто?

– Клиенты!

Этот театр абсурда начинал раздражать, и Саша уставшим взглядом обвел кабинет, думая, как бы избавиться от назойливой посетительницы, но вместо

этого наткнулся на накренившуюся гору папок с бумагами. Сколько они уже тут лежат? Недели две, не меньше.

– Так, – он вздохнул, потер переносицу и перевел взгляд на дверь. – У меня еще один посетитель. И если у него ничего важного, поедем смотреть вашу соседку. Будете ждать?

Безусловно, она будет ждать! Вот прямо за дверью и подождет, никуда не пойдет. В глубине души Саша надеялся, что второй посетитель пришел с чем-то важным, что отвлечет и от паранойи Клавдии Никитичны, и от опостылевших папок, но тот всего лишь пожаловался на соседа, который паркует машину на газоне. Пообещав поговорить со злостным нарушителем, Саша вытащил из шкафа куртку и вышел в коридор. Клавдия Никитична резво вскочила со стула, как двадцатилетняя молодка. Откуда и прыть-то появилась?

До дома добирались пешком, тот находился всего через две улицы от опорного пункта полиции. Грязно-серая панельная пятиэтажка казалась бельмом на глазу не только для Саши, но и для всей улицы. Ее окружали кирпичные гиганты с пластиковыми окнами, металлическими дверями и видеофонами перед входом. Раньше эта часть города была застроена частными домами. Пятиэтажку возвели в конце восьмидесятых, задолго до Сашиного рождения, намереваясь при этом снести остальные домишки, но местные жители встали насмерть, и стройку заморозили. До начала десятых, когда землю отдали новому инвестору, который сумел договориться с жителями частных домов. И если кирпичные гиганты почти не доставляли Саше хлопот, то панелька истрепала все нервы.

Подниматься пришлось на последний этаж и, ясное дело, без лифта. В другие дни это не было проблемой, но прошлую ночь Саша провел в клубе, а под утро вернулся с новой знакомой, поэтому сегодня чувствовал себя непривычно разбитым и уже жалел, что не занялся папками. Хоть вздремнул бы полчасика, прислонившись щекой к очередной бумажке.

Двери квартир Клавдии Никитичны и Маргариты Андреевой находились рядом и отделялись от остальной площадки хлипкой деревянной перегородкой. На стук никто не открыл, хотя стучал Саша долго. Ломать замок ему не хотелось до нервной чесотки, но чем дольше он стоял в тесном коридорчике, где пахло кошачьей мочой и – внезапно – лавандой, тем сильнее завязывался в груди тревожный узел. И дело было вовсе не в маячившей за спиной Клавдии Никитичне, постоянно вспоминающей призрака. Дело было в его собственных

ощущениях. Саша не был экстрасенсом, но уже несколько раз общался с Маргаритой Андреевой после жалоб соседки и знал, что «ведьма» днем по будням всегда дома. Конечно, это не отменяет возможности, что ей срочно куда-то понадобилось, женщина ведь не старая, свободная. Но Саша чувствовал: что-то не так. И с каждой минутой ему все сильнее начинало казаться, что он тоже чувствует запах.

А, была не была! В крайнем случае, поставит новую дверь.

На поиски понятых пришлось потратить некоторое время: в будний день, в отличие от Маргариты, жильцы в основном находились на работе. Тем не менее спустя полчаса на площадке пятого этажа было полно народу: Саша, двое понятых из соседнего подъезда, Клавдия Никитична и слесарь Степаныч из ЖЭСа, по какому-то недоразумению оказавшийся трезвым. Клавдию Никитичну пришлось попросить не заходить в тесный коридорчик, поскольку там и так было не развернуться, и Саша кожей чувствовал ее недовольство. Она считала, что имеет право быть в первом ряду, ведь это она озаботилась пропажей соседки. Саша слышал, что она именно так рассказывала кому-то по телефону.

Простенькая дверь поддалась легко, Степаныч даже не сильно ее повредил. По крайней мере, в случае обнаружения живой и здоровой жилички много денег на восстановление не понадобится.

В квартире стояла тишина. Воображение тут же назвало ее гробовой под стать происходящему. Саша вошел в квартиру первым, за ним двинулись понятые, замыкали напряженное шествие Степаныч и Клавдия Никитична, наплевавшая на приказ не входить. На зов Маргарита не отозвалась, что уже исключало возможность обнаружения ее в ванной в окружении свечей и благовоний. Все двери были закрыты, и сначала Саша вошел в кухню, а затем в единственную комнату.

Маргарита была там. И если бы Саша верил в привидений, он определенно мог бы предположить, что к Клавдии Никитичне ночью приходило оно. Еще до того, как мозг опознал зрительные образы, в нос ударил едва слышный терпкий запах крови, а уши заложило от тонкого, непривычно высокого звука, заставившего неприятно вибрировать барабанные перепонки. Лишь спустя несколько секунд Саша осознал две вещи: первое – звук этот называется визгом, и издает его Клавдия Никитична, а второе – к таким зрелищам жизнь его не готовила. Он работал в полиции всего полгода, и никто никогда не говорил ему, что однажды

зимним днем в обычной квартире он может увидеть такое.

?

Зрелище было неприятным. Настолько неприятным, что молодой оперативник Слава Шумаков уже минут десять не выходил из туалета, из-за двери которого доносились недвусмысленные звуки рвоты. Лосев и сам подумывал о том, чтобы попросить у судмедэксперта Леры Горяевой пакетик. Просто на всякий случай, чтобы не испортить место преступления. Однако пока сдерживался. И сама Лера, и даже молоденький участковый, который и обнаружил труп, выглядели достаточно бодрыми, а потому позориться ему не хотелось. Участковый хоть побледнел ради приличия, а Лера разглядывала труп так, будто и нет в нем ничего необычного.

А необычное было! Убитую звали Маргарита Андреева, тридцать восемь годков разменяла дамочка. Участковый поведал, что приехала она недавно, до этого жила где-то на севере. Работала «ведьмой», но жалоб на нее ни от кого, кроме ворчливой соседки, пока не поступало. И не поступит уже, очевидно. Потому что ведьма Маргарита Андреева была не только бесповоротно мертва, но и расчленена. Нет, руки-ноги оставались на месте, а вот сердце…

Первое, что видел каждый, входящий в комнату, было море крови. И только когда шок проходил, а глаза начинали различать детали, становилось понятно, что обнаженная до пояса женщина лежит на полу на расстеленной простыне, пропитанной кровью, руки ее раскинуты в стороны, ноги вытянуты, а грудина вскрыта. И вот это последнее обстоятельство заставляло содрогаться от ужаса и прикрывать рот рукой, даже если на самом деле и не тошнит. Просто рефлекторно прикрывать. Да и крови в действительности было не так много. То есть много, конечно, вся простыня ею пропитана, но никаких брызг на стенах и потолке, кровавых следов, тянущихся в коридор, свисающих со столешницы застывших капель. Тот, кто расчленил тело, сделал это аккуратно. Лера утверждала, что жертва к тому моменту была уже мертва. И на том, как говорится, спасибо.

В небольшой комнатушке с наглухо закрытыми окнами запах крови ощущался особенно остро, а с появлением толпы людей, кажется, ничего, кроме этого запаха, в воздухе и не осталось.

– Откройте окно, что ли, дышать же нечем, – попросила Лера, стоя на коленях возле трупа.

Лосеву иногда казалось, что эта женщина и сама своего рода маньяк. Молодая же еще, тридцати нет, симпатичная, образованная, что ее может привлекать в трупах? А ведь привлекает! Мужики, вон, в туалете обед оставляют, а она руками трогает все эти ребра торчащие, легкие… что там еще есть?

Следователь Воронов, как раз маячивший у окна, приоткрыл форточку, впуская в помещение свежий декабрьский воздух, и Лосев почувствовал, как стало легче дышать. Чуть-чуть сдвинул маску, освобождая нос. Даже приободрился немного, прошел в комнату, стараясь не наступить на разложенные криминалистом вещи. Покусает и не посмотрит, что Лосев его старше.

– Ну что тут, Лер? – поинтересовался тем временем Воронов, тоже подходя чуть ближе и стараясь одновременно изображать невозмутимый вид и как можно меньше смотреть на вскрытую грудину. – Что-то новенькое можешь сказать?

– Как я и говорила, сердца нет, – ответила судмедэксперт. – Причем удалено аккуратно, профессионально, я бы сказала. Все артерии и вены пережаты, разрезы ровные, сделаны чем-то острым, возможно, скальпелем. Похоже, работал профессионал.

– Врач?

– Возможно.

– Что ж, это сужает круг поисков.

– Особенно если учесть, что и пальчиков своих он оставил будь здоров, – хмыкнул криминалист, обильно посыпая дверцы шкафа, откуда убийца, очевидно, доставал простыню, черным порошком.

Лосев обрадовался бы, но что-то подсказывало ему, что все не будет так просто. То ли опыт, то ли врожденный пессимизм.

– Время смерти можешь назвать? – спросил он у Леры.

– Около пятидесяти часов назад. Точнее после вскрытия, это пока навскидку, – ответила та.

– Знаю я твои «навскидку», – усмехнулся Воронов, – если и ошиблась, то на полчаса максимум.

Лера улыбнулась уголком губ, ничего не сказала.

– А причина смерти?

– С этим сложнее. Грудину ей вскрывали уже после смерти, это точно, а вот от чего умерла, пока неясно. Никаких других повреждений на теле нет, следов удушения тоже.

– Как и следов борьбы, – снова встрял криминалист.

– Возможно, убийца каким-то образом парализовал ее сразу, как вошел, – предположила Лера. – Может, газ какой-то распылил или укол сделал. Если укол, то во время вскрытия место найду.

Лера говорила, одновременно продолжая осматривать тело, и, когда замолчала, все невольно повернулись к ней.

– Что ты нашла? – поинтересовался следователь, правильно оценив ее молчание.

Лера приподняла над полом правую руку жертвы.

– Грязь под ногтями.

Она вытащила из чемоданчика небольшую лопатку и подковырнула грязь из-под ногтей убитой.

– Земля, похоже… Сразу не видно было, ногти черным лаком покрыты, а как руку перевернула, так и увидела.

Следователь и Лосев одновременно шагнули ближе и наклонились, только что лбами не стукнулись. И правда, земля. У такой ухоженной женщины едва ли могли быть грязные ногти. Все-таки следы борьбы?

В тесном коридорчике квартиры полицейские сразу обнаружили грязные следы. Они не были похожи на следы от ботинок, скорее казалось, будто там проходил кто-то, предварительно повалявшийся на земле, и она сыпалась с его одежды на пол. Ее было немного, участковый, первым попавший в квартиру, даже потоптался на этих следах, но их почти наверняка оставил убийца. Слишком уж было чисто в квартире Андреевой, чтобы думать, будто она не пылесосила в коридоре. И сейчас вот эта грязь под ногтями.

– Сделай анализ, – попросил Воронов Леру. – Сравним с той землей, что нашли в коридоре.

Лера кивнула и продолжила работать, а Лосев и Воронов вышли из комнаты в кухню, где ждал участковый. Выслушать краткий рассказ о том, как тот обнаружил труп, они уже успели, а теперь хотели узнать подробности. Лосев не понаслышке знал, что заставить участкового вскрыть квартиру могут разве что фотографии трупа, сделанные через окно, слишком уж не любят эти ребята такие вещи. Что-то должно было заставить этого молодого франта, у которого из кармана кокетливо выглядывает айфон последней модели, послушать соседку Андреевой и вскрыть квартиру. На самом деле, Лосеву страшно хотелось еще поинтересоваться, на какие средства куплен айфон, но тут уж он решил, что это не его дело.

Участковый долго мялся, а потом неловко кашлянул.

– Да папками мне было лень заниматься. Начальство велело разобрать все дела, в том числе и за предыдущим участковым, а на меня все эти бумаги такой сон навевают, что хоть прям в кабинете спать ложись. Вот я и решил мозги проветрить. И потом, вы не знаете Клавдию Никитичну. Она с меня не слезла бы, пока я не проверю.

Клавдия Никитична – это, стало быть, та самая соседка. Лосев слышал краем уха, как она рассказывала другим зевакам, коих уже в достатке собралось и возле подъезда, и на лестничной площадке, что-то о призраке. О последнем он поинтересовался у участкового под удивленный взгляд следователя. Участковый

многозначительно закатил глаза и тяжело вздохнул.

– Рассказывала, а как же. Но Клавдия Никитична и не такое рассказать может. В подъезде не осталось ни одной квартиры, на которую она не жаловалась бы. А новую соседку сразу невзлюбила. Та себя называла ведьмой, а для Клавдии Никитичны это как красной тряпкой перед мор… лицом помахать.

Лосев понимающе кивнул, бросив непроизвольный взгляд на входную дверь, через которую был слышен голос пожилой соседки. Слов он не мог разобрать, но судя по интонации, история с призраком и убийством прямо сейчас набирает обороты и раскрашивается в новые цвета.

О том, что убитая называла себя ведьмой, говорила и обстановка в квартире: шторы темных оттенков, круглый стол в комнате, накрытый черной скатертью с бахромой, хрустальный шар на нем, книги в черных переплетах на полках, десятки свечей, пряный запах трав, с трудом пробивающийся сквозь несравненный аромат смерти и крови. Лосев успел заглянуть в платяной шкаф и увидел, что одежду дамочка тоже предпочитала темных цветов. Ну типичная ведьма.

Пока они болтали с участковым, Слава Шумаков освободился наконец от обеда, вышел из туалета и присоединился к осмотру квартиры убиенной. В комнату, правда, заглядывать не рисковал, ограничился коридором: там стоял большой шкаф-купе, занимающий почти все свободное пространство, в нем Слава и принялся копаться. Десяти минут не прошло, как из коридора послышался страшный грохот, будто обрушился потолок. Лосев, следователь и участковый переглянулись и высыпали в коридор. Потолок держался крепко, а вот одна из полок в шкафу накренилась и сбросила с себя все содержимое на пол.

– Шумаков! – рявкнул следователь. – Аккуратнее быть не пробовал?

– Да это не я! – проблеял Слава. – Оно само.

Он и в самом деле стоял не в той стороне, где упала полка, но следователя это не смутило:

– Сами, Шумаков, только дети рождаются! Полки сами не падают.

– Я не трогал!

– А кто трогал? – не сдавался Воронов. – Ведьма, может?

Порой следователь становился до омерзения противным. Лосев работал с Вороновым не первый год, привык к его характеру и не обращал на него внимания, а вот молодой оперативник смутился и расстроился. Пока Воронов отчитывал Славу, Лосев подошел ближе к упавшим вещам, присел на корточки. Среди валяющихся под ногами ключей, перчаток и шарфов он обнаружил небольшую черную книжицу, оказавшуюся ежедневником.

Следователь пролистал его лишь мельком, подробнее изучать будет потом, а Лосев без зазрения совести заглянул в ежедневник через плечо Воронова. Но даже при таком быстром осмотре они увидели интересную запись: если Лера не ошиблась со временем смерти, а Лера наверняка не ошиблась, то примерно тогда же к гадалке должен был наведаться один из клиентов: на странице с позавчерашней датой была короткая запись: «Макар, 11.30» Номера телефона, к сожалению, не было, только имя и время. Не самое распространенное имя, но без фамилии черта с два найдешь. Проверить сначала стоит местные больницы, раз уж Лера утверждает, что убийца – профессионал. Вдруг там найдется врач с редким имечком? Вряд ли, конечно. Если бы Лосев решил убить ведьму, то не стал бы записываться к ней на прием, а если бы и записался, то уж точно не называл бы свое настоящее имя. И на убийство в состоянии аффекта не похоже, значит, планировал. Но не проверить нельзя.

Воронов машинально огляделся, будто что-то в обстановке квартиры могло подсказать ему правильное направление расследования, и наткнулся взглядом на участкового. По выражению лица было видно, что следователь размышляет, не привлечь ли к делу молодую поросль? Папками тому все равно лень заниматься, так что сопротивляться, скорее всего, не станет. А участок свой парнишка наверняка знает хорошо, вдруг чего полезного скажет?

Участковый заметил, что Воронов смотрит на него, явно собираясь окликнуть, но не может вспомнить его имя, поэтому сказал первым:

– Сатинов. Александр Николаевич. Можно просто Саша.

Следователь благодарно улыбнулся.

– Просто Саша, как насчет опросить соседей? Вдруг кто чего видел, слышал?

– Да без проблем! – заверил участковый.

Как он и рассчитывал, отказываться от дополнительной нагрузки парень не стал, наоборот, даже глаза загорелись. Да уж, раскрытие настоящего убийства – это вам не алкоголиков на дому посещать. Это уже серьезно. И хоть едва ли человек, запросто кладущий в карман форменной куртки айфон последней модели, так уж нуждается в работе полицейского, но кто знает, какие у него там мысли. Молоденький совсем, может, романтика в заднице еще играет. А айфон предки подогнали. Лосеву казалось, что он где-то слышал фамилию Сатинов, но где именно, вспомнить не мог. Да и не старался, если уж на то пошло. Сейчас других забот полно.

Глава 2

Валерия Горяева действительно любила свою работу. О том, что станет не просто патологоанатомом, а именно судмедэкспертом, она знала с первого курса медицинского университета и, когда после окончания пришло время выбирать ординатуру, не сомневалась ни на мгновение. Нет, ее не привлекали трупы. Трупов она просто не боялась, в отличие от многих студентов. Ее привлекали загадки. Она готова была миллиметр за миллиметром осматривать тело, чтобы увидеть нечто крохотное, незаметное глазу, что перевернет все первоначальное представление о причине смерти. Преподаватели качали головами и говорили, что если уж студентке Горяевой так хочется работать с теми, кто не может ничего сказать, то пусть бы шла в педиатрию, но детей, в отличие от трупов, Лера побаивалась.

А трупы в ее работе случались разные. Были молодые, были постарше. Некоторых было даже жалко, хотя от жалости Лера постаралась избавиться в первый же год практики, чтобы ничего не мешало работе. Были те, кто вызывал лишь недоумение: как можно родиться таким идиотом, чтобы настолько глупо умереть? У одних причина смерти, что называется, была на лице написана, в других в прямом смысле слова приходилось покопаться. Но редко, очень редко тела, лежащие перед ней на прозекторском столе, вызывали чувство тревоги. А

именно это чувствовала Лера, глядя на тело Маргариты Андреевой. Чувство было иррациональным, объяснить его Лера не могла. Оно липкой лапой гладило ее по затылку, пробегалось холодными пальцами вдоль позвоночника, заставляя шевелить лопатками в попытке сбросить их.

Лера действительно не знала, что ее тревожит. Не такое уж поганое зрелище представлял собой этот труп. Да, парнишка-оперативник долго блевал в туалете, ну так это он неопытный, а она всякого повидала. А уж после того, как сама поработает с телами, они и не так выглядят. В общем, Лере было неспокойно, но работать она продолжала и, как всегда, закончила сильно после окончания рабочего дня. Впрочем, это было только на руку. Сейчас быстро примет душ, переоденется и махнет в забегаловку на соседней улице. Закончила бы вовремя, думала бы, чем себя занять. Домой не поедешь, слишком далеко, шататься по улицам холодно, а бродить по торговым центрам и магазинам она с детства терпеть не могла.

В забегаловке, гордо именовавшей себя «рестораном кавказской кухни», их собирал Воронов. Лера понятия не имела, откуда у следователя такая привычка, но проводить совещания по делу в рабочем кабинете он терпеть не мог. Поэтому они очень часто проходили в небольшом ресторанчике неподалеку от Следственного комитета. Причем на совещания приглашались не только оперативники, но и судмедэксперт, и криминалисты, если им было что сказать. Злые языки поговаривали, что владельцем забегаловки был давний друг Воронова и тот таким образом увеличивает ему прибыль. Лера не знала, так ли это, но эту привычку Воронова любила. Не так уж часто ей доводилось бывать в кафе и ресторанах, чтобы не использовать такой случай. Достойных мужчин, с которыми хотелось бы куда-то пойти, ей встречалось все меньше, подругами она не обзавелась, а самой как-то в голову не приходило ужинать вне дома. Если уж лень готовить, то всегда можно заказать доставку.

Она пришла почти первой. Почти, потому что за столиком в углу, который всегда занимала их компания, сидел Леша Лосев, активно работая челюстями, а перед ним на тарелке лежала целая гора чебуреков.

– Опять моя сестрица веганом заделалась, раз ты так проголодался, что остальных не ждешь? – весело поинтересовалась Лера, бросив сумочку на свободный стул и плюхнувшись рядом.

Леша поднял на нее такой взгляд, что Лера сразу поняла: что-то случилось.

– Мы, кажется, разводимся, – подтвердил ее опасения тот.

Младшая Лерина сестра, Анюта, всегда была девушкой избалованной. Белокурый ангел с огромными синими глазами, она восхищала всех вокруг едва ли не с самого рождения, а потому и баловали ее каждый в меру своей фантазии. Лера сестру не то чтобы недолюбливала, скорее, относилась к ней снисходительно, хотя в детстве завидовала Анюте. Ей самой досталась от отца довольно посредственная внешность: непослушные волосы, некоторая угловатость фигуры – и с сестрой они были похожи примерно настолько же, насколько похожи день и ночь. А уж когда Анюта находилась рядом, Леру и вовсе не замечали. Разница между ними составляла пять лет, и это позволило Лере вырасти чуть раньше, чем она окончательно возненавидела бы сестру. Теперь, когда одной было двадцать восемь, а второй – двадцать три, отношения между ними сложились вполне дружеские. Правда, Лера до сих пор не понимала, как Анюта умудрилась выйти замуж за Лешу Лосева, обычного полицейского. Не бизнесмена, не топ-менеджера крупной компании и даже не фотографа. Анюта нигде не работала, вела блог в Инстаграме и называла себя бьюти-блогером. Подписчиков у нее было около полумиллиона, а может, уже и больше, Лера давно не интересовалась, что позволяло сестре хорошо монетизировать блог. На рекламу к ней стояли очереди, и эффектная красотка позволяла себе перебирать. Несколько раз в год она ездила в путешествия, оплаченные спонсорами, конечно же, рассказывая обо всем в блоге. Рекламировала косметику, одежду, мебель, ювелирные украшения. Чего никогда не было в ее рассказах, так это мужа. Простой опер Алексей Лосев, старше Анюты почти на одиннадцать лет, не Аполлон внешне, очевидно, не слишком вписывался в контент блога. Так что их развод, на взгляд Леры, был делом времени. Она скорее удивилась бы, если бы они прожили душа в душу хотя бы пять лет. О чем честно и сказала Леше.

– Да я и сам знаю, – грустно вздохнул тот. – Не пара я ей. Кто я – и кто она.

– Действительно, – согласилась Лера, кивнув официантке, что обозначало «мне как обычно». – Ты взрослый серьезный человек, а она как была профурсеткой, так и осталась. Вообще не понимаю, как вы поженились.

– А я ухаживал красиво, – признался Леша. – Все деньги ей на букеты и украшения спускал, за одно колье до сих пор кредит плачу.

Он никогда не рассказывал этого, и Лера удивилась. Но не то чтобы сильно. По крайней мере, теперь стало понятно, на что купилась ее сестрица, три года назад бывшая двадцатилетней дурочкой, только начинающей путь в мире Инстаграма. Впрочем, и Леша не особо ее удивил, если уж на то пошло. Влюбленные мужчины порой способны и не на такую дурость.

– Сказала б я тебе, что ты дурак, но что тебя еще сильнее расстраивать? – вздохнула Лера, и Леша наконец улыбнулся.

– А я тебя за правду и люблю.

– Эй-эй! – Лера демонстративно взмахнула рукой. – Остановись на одной Горяевой, не лезь снова в петлю.

Теперь рассмеялись оба. За чем и были застигнуты следователем Вороновым, появившимся перед столом как черт из табакерки.

– Веселитесь? – поинтересовался он, садясь рядом с Лерой. – Ну-ну.

– Смех сквозь слезы, Петр Михайлович, – не соврал Леша.

Воронов, как всегда, долго и обстоятельно изучал меню, будто не ужинал здесь как минимум раз в неделю, а пришел впервые. Водил по-женски тонкими пальцами по строчкам, щурил близорукие глаза и шепотом проговаривал прочитанное. Все, кто был близко знаком с семьей следователя, утверждали, что его жена – отменная хозяйка, у которой даже завтрак состоит минимум из трех блюд, но, глядя на Воронова, сторонний наблюдатель едва ли мог в это поверить. Петру Михайловичу было уже далеко за пятьдесят, в его возрасте мужчины часто обзаводятся лишним весом, но он был не просто худым, а откровенно тощим, что еще сильнее подчеркивалось ростом за метр восемьдесят. Воронов выглядел либо постоянно голодным, либо смертельно больным. А вкупе с его желанием поужинать вне дома хозяйские способности супруги ставились под большое сомнение.

За то время, что следователь изучал меню, успели подтянуться и Слава Шумаков, и криминалист Витя Павлюченко, и даже участковый Саша Сатинов, чье присутствие удивило Леру сильнее всего. Очевидно, следователь решил припахать всех, кто не успел оказать сопротивление. Странно, что не позвал

бдительную соседку убитой. И только когда весь стол уже был заставлен салатами и холодными закусками, Воронов сказал:

– Ну что, начнем, дети мои? С кого? Лера?

– Только не с Леры, – взмолился Шумаков, – я еще от утра не отошел!

– Вот тогда точно с нее, пока есть не начали, а то потом кусок в горло не полезет, – назидательно поднял палец следователь.

По виду молодого оперативника было видно, что кусок ему уже не лезет, и это заставило Леру хищно усмехнуться. Наверное, не было в городе ни одного полицейского, кто не слышал бы о ее красочных рассказах за ужином, способных отбить аппетит у самого голодного. Идти ужинать с Лерой означало сесть на диету на ближайшую неделю. Однако сегодня ей стало жалко Шумакова. Может быть, повлияла новость Леши, потому что как бы ожидаемо это ни было, а все равно грустно. А может, та липкая тревога, которая приклеилась к ней длинными щупальцами в прозекторской и не собиралась отпускать. И Лере не захотелось пугать коллег кровавыми подробностями, поэтому ответила она максимально лаконично:

– Как я и говорила, смерть наступила около пятидесяти часов назад, примерно в одиннадцать утра четырнадцатого декабря. Жертве сделали укол с очень сильным снотворным, от которого она уже не проснулась. Я нашла на правом плече след. Затем убийца оттащил ее в гостиную, расстелил на полу чистую простыню, вскрыл грудину и вырезал сердце. Кожу разрезал чем-то острым, предположительно скальпелем, а вот ребра ломал, похоже, руками…

Шумаков заметно побледнел. Ну не виновата она, что без кровавых подробностей не обойдешься! И так смягчает, как может. Не стала же рассказывать про трупные пятна, по котором определила, что убили жертву не там, где ее обнаружили. Не стала рассказывать, как поняла, что ребра руками ломали. Много чего не сказала, кто ж виноват, что опера такие нежные пошли. Вот и на свидание пригласить некого, потому что если уж полиция такая, то что с других взять?

– Интересное кино получается, – задумчиво проговорил Витя, меланхолично пережевывая листик салата. Вот даже жалко, что парню всего двадцать пять. С

ним Лера, пожалуй, могла бы поужинать. – Кожу резал скальпелем, сердце тоже профессионально доставал, а ребра – руками.

– Ребра скальпелем не разрежешь, – развела руками Лера, краем глаза замечая, что Шумаков уже позеленел. Скоро его можно будет оливковым маслом полить и жевать вместо салата. – А реберные ножницы в карман не положишь.

– Но и сердце он не в карман положил, – справедливо возразил Воронов. – Значит, какой-то… кейс или сумка у него были, почему туда не положил?

– Откуда ж я знаю? – пожала плечами Лера. – Это вам предстоит выяснить. Мое дело маленькое: констатировать факты.

– Ладно, – покладисто кивнул Воронов. – Что еще?

– А все. Вытащил сердце и был таков.

Воронов тяжело вздохнул, набил рот салатом оливье, который заказывал каждый раз (и зачем только меню так тщательно изучает?), прожевал, о чем-то думая, а потом повернулся к Вите.

– А у вас что?

– Да тоже не густо, – ответил тот. – Отпечатков пальцев много, хорошие, но по базе совпадений нет. Грязь из-под ногтей убитой совпадает с той, что нашли в коридоре.

– То есть сопротивление она все-таки оказывала? – уточнил Леша.

– Ну, может, вцепилась в убийцу руками, когда падала, – пожал плечами Витя.

– А земля у него на плечах была? – хмыкнула Лера.

– Согласен, – поддакнул ей Воронов. – Похоже, дамочка просто упала на пол и там уже эту грязь руками загребла. А следов этого мы не нашли, потому что кое-кто, – следователь укоризненно посмотрел на молодого участкового, – по ним потоптался.

– Виноват, – покачал головой тот. – Не заметил я этих следов, да и, честно говоря, до последнего не думал, что там убийство.

– А ты учись думать наперед! – посоветовал Воронов. – Иначе так всю жизнь в участковых и проходишь.

– Кстати, про следы, – встрял Витя. – Нашли мы еще след от ботинка, но не в квартире, а в общем с соседней квартирой коридорчике. Так что наверняка нельзя сказать, принадлежит он убийце или кому-то другому. Коридорчик не запирается, кто угодно мог войти. Мужской ботинок сорок четвертого размера. И что самое интересное: там грязь не совпадает с той, что в квартире, зато по составу схожа с уличной возле подъезда.

– Это как? – не понял Леша.

– А вот так, – развел руками Витя. – Либо след не убийцы, либо грязь в квартиру он все-таки на плечах принес.

Над столом повисла задумчивая пауза, но никаких других вариантов никто предложить не смог.

– Не густо, – наконец констатировал Воронов, разделываясь с салатом. – Ладно, а что по самой жертве?

– Маргарита Павловна Андреева, тридцать восемь лет, – начал Леша, видя, что Слава не в состоянии открыть рот. – Замужем не была, детей нет. По образованию психолог, но по специальности в школе проработала ровно год после окончания университета. После этого «открыла» в себе дар. По официальной версии, он достался ей от бабки-колдуньи, которая как раз умерла. Уроженка Новосибирска, всю жизнь там и прожила. Пока год назад внезапно не начала переезжать. Сначала в Екатеринбург, потом вот к нам.

– Интересно, с чего это? – удивился Воронов.

– Все дело в жене известного в Новосибирске чиновника, – наконец справившись с рвотными позывами, но все еще с недоверием посматривая на Леру, ответил Слава. – Что-то там они не поделили, и та устроила Андреевой настоящую

травлю. Вот наша ведьма и вынуждена была переезжать.

Воронов отодвинул пустую тарелку, но продолжил крутить в руках вилку, глядя поверх головы Славы в одному ему видимую точку, что означало крайнюю задумчивость.

– А это мотив, – наконец проговорил он. – Что-нибудь про эту дамочку узнали?

– Не успели еще, Петр Михайлович, – развел руками Леша.

– Узнайте. Только осторожно пока, не хватало еще вляпаться в терки с чиновниками, пусть и не из нашего региона. А что соседи говорят?

Этот вопрос был адресован молоденькому участковому, и Лера с интересом посмотрела на него. Остальные были ей уже знакомы, а вот Сатинов заинтересовал. Леша еще утром рассказал ей про айфон последней модели, и Лера погуглила, выяснила, что отец необычного участкового – основатель и генеральный директор Модного Дома Сатинова. Про фирму эту Лере доводилось слышать от сестры. Анюта обожала наряды от Виолетты Сатиновой, средней дочери владельца. А потому стало еще интереснее, с чего вдруг младший сын одного из богатейших людей города не просто пошел работать в полицию, а еще и начал с низов.

– Соседи в целом отзываются о ней положительно, – сказал Сатинов. – Ну, кроме Клавдии Никитичны, конечно, но та со всеми один день дружит, а на другой мне жалобы катает. Тихая, незаметная. Некоторым, конечно, не нравилась ее сфера деятельности, но большие толпы подозрительных людей к ней не ходили, дворовые кошки не пропадали, странные звуки из квартиры не доносились. Многим этого хватало.

– А сам ты что о ней сказать можешь? – поинтересовался Воронов. – Раз эта Никитична жалобы на нее катала, ты же должен был с ней беседовать. Или ленился?

– Ничего я не ленился, – обиделся участковый. – Она производила впечатление довольно интеллигентной и вежливой женщины, чаем меня всегда угощала. Мы же оба понимали, что жалобы эти яйца выеденного не стоят и ругать мне ее в общем-то не за что.

– А что про день убийства?

– Ничего, – Сатинов развел руками, как показалось Лере, с сожалением. – Рабочий день, многие жильцы с самого утра разошлись по работам, в тот день с Андреевой не встречались. Даже Клавдия Никитична умотала в поликлинику и не видела, кто приходил к соседке. Она вернулась около трех часов дня, говорит, после этого уже никто не являлся, в квартире стояла тишина.

– Это доказывает лишь то, что Лера не ошиблась со временем смерти. К тому времени Андреева уже была мертва, – вздохнул Воронов. – Эх, и почему эта ведьма поселилась в таком доме? Сняла бы квартирку в соседнем, там и консьержи, и камеры в подъездах…

– Может, потому и убили именно ее? – предположил Леша. – А не кого-то из тех домов.

– Может, – снова вздохнул Воронов, прерываясь на минутку, поскольку официантка принесла всем чай и какое-то время расставляла на столе чашки и тарелки. – Но прежде чем вы начнете выдвигать версии, я вам расскажу очень интересную историю.

Воронов произнес это таким таинственным тоном, что никто из присутствующих не взял в руки чашки, все уставились на него. А он, довольный всеобщим вниманием, продолжил:

– Около двух недель назад в полицию соседнего городка поступил анонимный звонок о том, что на кладбище лежит мертвый бомж. Мне честно признались, что на вызов не торопились, ну бомж и бомж. Зима на дворе, этих трупов еще не один будет. Но когда наши коллеги туда все-таки приехали, многие сразу, как Славик, – следователь снисходительно кивнул в сторону Шумакова, а тот покраснел, как столовая свекла, – сразу блевать побежали. Бомж лежал на одной из могил, раздетый до пояса, со вскрытой грудной клеткой и отсутствующим сердцем.

Воронов замолчал, и над столом снова повисла многозначительная пауза. Каждый обдумывал услышанное, Слава, похоже, опять пытался справиться с рвотными позывами. Бедняга, если не уволится после этого дела, то ужинать с

ними точно ходить больше не станет.

– Если это возможно, я бы хотела взглянуть на протоколы аутопсии, – первой нарушила молчание Лера.

– Я тебе больше скажу, ты и на труп можешь взглянуть, – усмехнулся Воронов.

– Его еще не захоронили? – удивился Леша.

– Не-а. Хотели отдать медицинскому университету на опыты, хоть и без сердца, но что-то там с документами затянулось, так и лежит в холодильнике у судмедэксперта. Так что, Валерия Скальпелевна, сгоняй завтра, ознакомься. Других хороших новостей нет. Никто особо этим убийством не занимался. Какие-то оперативно-розыскные мероприятия проводились, конечно, но больше для галочки. А уж узнав, что у нас такой же труп и я хочу забрать дело себе, тот следователь едва ли не домой мне все документы предложил привезти.

Присутствующие за столом нестройно рассмеялись, даже Слава выдавил из себя улыбку. Дальше обсуждали версии и мотивы убийства, что Лере было уже не так интересно. Ровно до того момента, как следователь рассказал про убийство бомжа, версия у нее была, но теперь она не выдерживала никакой критики. Лера думала о черном рынке органов. Такой мотив для убийства и в случае с Андреевой казался сомнительным. Даже если допустить, что сердце решили изъять в домашних условиях, то не взять с собой при этом ножницы для ребер? Странно. А уж подумать, что кто-то решил вытащить сердце бомжа, не самого здорового, скажем прямо, человека, да еще на кладбище, в полной антисанитарии, вообще нелепо. Тем не менее Воронов решил до конца эту версию не отбрасывать. Сказал, что в жизни видел всякое. Лера тоже видела, потому и высказала свою идею вслух, несмотря ни на что.

Участковый обратил внимание на то, что обе жертвы лежали в форме креста, будто распятые, но Лера уверенно заявила, что такая поза типична при проведении операции на грудной клетке и если убийца действительно врач, то он положил их так по привычке, а вовсе не из каких-то религиозных убеждений. Хотя, конечно же, и теорию с ритуальными убийствами исключать не следовало.

В общем же рассматривали две основные версии: в городе объявился маньяк, коллекционирующий сердца, или же убийца просто таким образом решил

запутать следствие. Настоящей жертвой должен был стать кто-то один, а второго убили, чтобы замести следы. И первый вариант даже Лере казался более правдоподобным, хоть и гораздо менее привлекательным. Она знала, да и Воронов утверждал, что серийные убийцы частенько прихватывают что-нибудь на память о своих жертвах. Правда, обычно это какой-то предмет одежды или личная вещь, а не орган, но, как следователь уже говорил, он видел всякое.

?

Разошлись почти в девять вечера, когда город давно укутала мрачная зимняя темнота. Леша предложил подвезти ее домой, и Лера не стала отказываться. Машину она водить умела, но скопить на собственную все никак не удавалось. Возможно, ей не хватало мотивации, ведь большую часть года она любила ходить пешком, не испытывала ужаса перед общественным транспортом, а зимы в их регионе бывали не настолько долгими, чтобы успеть заставить ее купить машину.

Как она и думала, Леша предложил подвезти не просто так: нашел в ее лице благодарного слушателя и долго изливал душу. Лера слушала внимательно, сочувствовала, где могла, отпускала едкие, но правдивые комментарии там, где не могла. Если Леше нужна была жилетка, чтобы поплакаться и получить порцию жалости, то он явно выбрал не того человека, но, судя по тому, что прекращать разговор он не торопился, жалость ему как раз была не нужна. Зато Лера получила ответы на многие вопросы, которые мучали ее все три года брака ее сестрицы с Алексеем Лосевым.

Дома было холодно: уходя утром, она забыла закрыть окно. Лере не раз доводилось слышать от коллег в свой адрес прозвища Ледяная Принцесса, Холодное Сердце и все в таком духе, чаще всего намекавшие на место ее работы, хотя однажды в порыве откровенности один из отвергнутых кавалеров заявил, что не только работа тому причиной. И тем не менее, несмотря на прозвища, холод Лера не любила, поэтому быстро скинула обувь, верхнюю одежду, закрыла окно, замоталась в теплый махровый халат поверх домашнего костюма и поставила на плиту чайник. Никаких особых дел на вечер она не планировала, поэтому собиралась просто посмотреть кино и лечь спать. Наверное, нужно было позвонить Анюте, но делать этого адски не хотелось. Что она ей скажет? Что разводиться с мужем нехорошо? Но Лера так не считает. Если двое взрослых половозрелых людей решают, что не могут жить вместе, то

развестись – единственный выход. И даже если так решает один из этих двоих, то это все равно логичный исход. Поэтому разговором с сестрой она решила не портить вечер.

Чайник закипел, и Лера мучительно размышляла, стоит ли возиться с заваркой или просто бросить в чашку позорный пакетик, когда в коридоре что-то грохнуло. Довольно сильно, будто что-то упало с комода на пол. Лера замерла, посмотрев в сторону двери. В коридоре было темно, поэтому, что там происходит, она не видела. Осторожно повернулась всем корпусом и на носочках двинулась к выходу. Район, в котором она жила, не был криминальным, но и особенно благополучным не считался. Летом, в разгар туристического сезона, у них бывали и драки, и кражи, порой по домам ходили попрошайки-цыганята, но зимой обычно все вымирало. Да и дверь она всегда старалась закрывать…

Выключатель щелкнул раздражающе громко, яркий свет разлился по длинному коридору, родившись у входа и ударившись о дверь совмещенного санузла. Хорошая новость: в коридоре никого не было, а дверь оставалась заперта. Плохая: на полу возле комода лежало небольшое зеркальце, в которое Лера всегда смотрелась перед выходом из дома. Зеркальце осталось от бабушки, как и вся квартира, а теперь его отражающая поверхность покрылась паутинкой мелких трещин. Сожаление от потери любимой вещицы быстро утонуло под другим тревожным чувством. Как зеркало могло упасть? Оно стояло у стены, и даже если бы вдруг сломалась резная подставка, то упало бы плашмя на поверхность комода, а не на пол.

Лера пыталась вспомнить, как стояло зеркало утром, когда она привычно бросила в него прощальный взгляд перед уходом, но не могла. Не сдвинула ли она его раньше? И если бы сдвинула, обратила бы на это внимание? Мозг не фиксирует привычные вещи, те, что видит изо дня в день, а вот если что-то меняется, обычно подмечает. Но с утра она как всегда немного опаздывала, могла ли не заметить? Или же в ее отсутствие в квартиру кто-то заходил? Квартира считалась Лериной, но бабушка завещала ее обеим внучкам, и ключи на всякий пожарный у Анюты были. Надо бы позвонить ей, спросить, не заходила ли она, не трогала ли зеркало, но тогда придется говорить и о Леше, а Лере этого страшно не хотелось.

Решив, что зеркало сдвинула наверняка или она сама, или Анюта, потому что замок был в полном порядке, никто его не взламывал, Лера вернулась на кухню,

но то и дело ловила себя на мысли, что прислушивается к тишине в квартире. Ведь даже если зеркало сдвинули и оно могло упасть на пол, то почему упало? Подставка цела.

Снова вышла в коридор с веником и совком, осмотрела зеркало со всех сторон. Целое, крепкое, несмотря на возраст. Осколки, упавшие на пол, выбросила, а остальное поставила обратно. В ближайший выходной придется дойти до мастерской и попросить вставить новое стекло. Без привычного ритуала утром она весь день будет чувствовать себя не в своей тарелке.

То ли из-за разбитого зеркала, то ли просто так сложились звезды, но вечер не удался. Чай оказался перезаварен (надо было все-таки воспользоваться пакетиком!), фильм – скучен. Лера не досмотрела даже до середины, с раздражением выключила телевизор, поставила чашку с недопитым чаем на стол, отстраненно отметив, что на нем наверняка останется некрасивое пятно, и отправилась в ванную. И там, наедине со своими мыслями, убаюканная монотонным шумом воды, разбивающейся о кожу, она снова почувствовала тревогу, от которой, казалось, после бокала вина в ресторане успела избавиться. Тревога вернулась стремительно, заставила ее вздрогнуть, будто кто-то невидимый коснулся ледяной ладонью обнаженной спины. Лера в привычном жесте повела плечами, обернулась, словно кто-то на самом деле мог стоять за ее спиной.

– Чертово зеркало и чертов труп, – вслух выругалась она.

Это наверняка они. Особенно труп. Пусть она не побежала блевать, как Слава Шумаков, и даже не скривилась брезгливо, как Леша и Воронов, но не могла не впечатлиться. Уже хотя бы тем, что кто-то мог сотворить подобное. Лера видела слишком много криминальных трупов, чтобы давно понять и принять мысль, что никто не застрахован от такой смерти. Ты можешь быть сколько угодно осторожной и вести правильный образ жизни, не пить, не курить, не шляться ночами по подворотням, не приводить домой малознакомых мужчин, но все равно попасться на глаза безумному маньяку или наркоману в ломке. И твоя жизнь оборвется внезапно, некрасиво, а кто-то другой будет рассматривать твое тело, устанавливать время смерти и вскрывать грудную клетку. По крайней мере, она думала, что цинично смирилась с подобными мыслями, но иногда они все-таки будоражили сознание.

Душ перестал приносить удовольствие, и Лера повернула кран. Повернула – и тогда наконец услышала то, что раньше скрывалось за звуком воды: шаги. Кто-то шлепал босыми ногами по плитке. Прежде чем успела подумать, что делает, Лера дернула занавеску. Ванная, к ее облегчению, оказалась пуста, но стоило опустить взгляд, как волосы натурально зашевелились. На полу возле раковины разлилась небольшая лужа, оттого что Лера неплотно задернула занавеску, и кто-то, очевидно, вступил в нее босыми ногами, а теперь шел к выходу, оставляя за собой мокрые следы. Следы появлялись прямо на глазах, заставляя Леру крепко сжимать пальцы, сминая шторку. Некто невидимый дошел до двери, и Лера ждала, что сейчас повернется ручка и дверь распахнется, но ничего не произошло. И от этого стало еще страшнее. Значит, оно не вышло, а осталось в ванной. Правда, следов больше не появлялось. Стоит на месте или исчезло?

Заорать бы что есть мочи, выскочить из квартиры и заколотить в дверь к соседям, но вместо этого Лера медленно и осторожно, боясь расплескать собственный страх, вылезла из ванной, завернулась в большое теплое полотенце и бочком, бочком, стараясь не наступать на мокрые следы, вышла из ванной.

Так, нужно рассуждать логически. Что бы это ни было, вреда оно ей не причинило. И, кажется, не собиралось. Домовой? Призрак? Или просто игра воображения? Когда она в последний раз нормально отдыхала? Высыпалась? Так, чтобы лечь, ни о чем не думая, и проспать часов десять-двенадцать? А работа сложная, требующая внимательности, напряженная. И наследственность не самая хорошая, если вспомнить бабулю, которая к старости откровенно тронулась умом, завешивала окна и розетки плотной тканью, на порог соль сыпала, только что шапочку из фольги не надевала.

Рассуждая таким образом, Лера добралась до кухни, не удержавшись и бросив взгляд на разбитое зеркало. Зажгла все лампочки, даже на вытяжке, вытащила из шкафа бутылку коньяка и стакан, плеснула на дно. Руки заметно дрожали, но страх внутри немного притупился под натиском трезвых мыслей. Подняла стакан, но пить передумала. Среди соседей есть один, кому можно рассказать об увиденном. Кто не покрутит пальцем у виска и не посоветует записаться на прием к психиатру. И поговорить с ним захотелось нестерпимо, до покалывания в кончиках пальцев.

Лера быстро переоделась, натягивая футболку на еще влажное тело, подхватила бутылку, два стакана, вышла в общий коридор и постучала в дверь напротив. Только когда в соседней квартире послышались шаги, она вспомнила,

что даже не посмотрела на часы. Никита не был любителем лечь спать в десять вечера, но и ломиться к нему за полночь было бы не лучшей идеей. Повезло: он еще не спал и, судя по внешнему виду, даже не собирался: на нем был удобный домашний костюм и очки в черной оправе, которые он надевал дома только когда читал или работал за компьютером, темные волосы аккуратно приглажены, значит, еще не ложился.

– Не спишь? – дежурно поинтересовалась Лера. – А я в гости.

– Что-то случилось или тебе просто не с кем выпить? – поинтересовался он, впуская ее в квартиру и недвусмысленно глядя на бутылку коньяка.

– Выпить я вполне могу и сама, – передернула плечами Лера.

– Значит, случилось, – констатировал Никита, запирая дверь.

Лера без приглашения прошла на кухню, поставила бутылку и стаканы на обеденный стол и плюхнулась на стул рядом. Никите не пришлось спрашивать повторно, она все рассказала сама. Он за время ее рассказа успел вытащить из холодильника открытую бутылку белого вина, мотивировав тем, что с утра у него лекции, так что пить коньяк не лучшая затея, нарезать сыр и свежий хлеб. Лере было все равно, что пить. Уже сам подробный и обстоятельный рассказ заставил ее успокоиться, и теперь она радовалась, что смогла сдержать себя от первоначального плана «заорать и выбежать из ванной». Глупо смотрелась бы, очень глупо.

– Так что вот, – она залпом допила вино и развела руками, – у меня, кажется, завелся барабашка.

Никита ничего не ответил, даже не посмотрел на нее. О чем-то думал, крутя длинными пальцами тонкую ножку бокала. Он, в отличие от нее, вино только пригубил. С таким же успехом они могли бы пить и коньяк, его лекции не пострадали бы.

– Хочешь, я посмотрю? – наконец предложил Никита, и Лера не стала отказываться.

Собственно, именно поэтому она к нему и пришла. Не для того, конечно, чтобы он посмотрел, а для того, чтобы выслушал и не посмеялся. А уж если еще и посмотрит, ее благодарность не будет иметь границ. Несмотря на профессию, Лера никогда не была отъявленным скептиком. А уж после того как познакомилась с Никитой, и вовсе поверила в то, что многие считают выдумками фантазеров. Сосед был в некотором роде… экстрасенсом.

Никита вошел в квартиру первым, Лера замешкалась на мгновение, вспоминая произошедшее в ванной, но почти сразу шагнула следом. Никита не прошел далеко, остановился у вешалки с верхней одеждой, машинально поправил криво свисающий красный шарф. Сначала стоял молча, потом медленно, будто прислушиваясь к чему-то, повернул голову и посмотрел точно на комод, где стояло на подставке разбитое зеркало.

– Оно упало? – спросил он.

– Оно, – подтвердила Лера, чувствуя, как завязывается тревожный узел в груди. Но на этот раз ей было не столько страшно, сколько любопытно. Знать она знала, что Никита кое-что умеет, он этого не скрывал, но вот подтверждение получала впервые.

Никита заглянул на кухню, но не задержался там, направился к ванной. Снова остановился на пороге.

– Записки себе пишешь? – поинтересовался он.

Лера выглянула из-за его плеча и обомлела: на запотевшем зеркале чьим-то пальцем были выведены две цифры: «2» и «1». 21.

– Это не я, – пискнула она.

Никита, казалось, и так понимал, что это не она. Опустил взгляд вниз, разглядывая теперь пол. И лужа, и следы невидимого существа еще не высохли до конца, но Лера была уверена, что он их раньше почувствовал, чем увидел. Никита присел на корточки, протянул руку и коснулся капель воды на плитке.

– Это не барабашка, – сказал он.

Улыбнулся уголком губ и взглянул на Леру, но она была слишком напряжена, чтобы ответить тем же.

– А кто? – глупо спросила она.

– Женщина.

– Женщина?

– Призрак женщины. Или ментальный след. Как угодно можно называть.

– И что ей надо?

Никита задумался, снова прислушиваясь. То ли к ощущениям, то ли к голосу невидимой женщины. Они никогда прямо не обсуждали его способности, и Лера не знала, может ли он слышать голоса призраков.

– Не знаю, – наконец сказал он. – Не могу понять. Но она очень хочет спать.

– Чего-о?

– Спать, – повторил Никита, выпрямляясь. – Она очень хочет спать. Это чувство так сильно, что я не могу разобрать ничего другого.

– Ей что, моя постель нужна? – не поняла Лера, чем снова заставила его улыбнуться.

– Нет, едва ли. Я не знаю, кто она и почему пришла к тебе. Может быть, просто заблудшая душа. Так иногда бывает, я не знаю почему.

– Но она уйдет? – уточнила Лера.

– Думаю, да. По крайней мере, она точно не хочет тебя обидеть, я не чувствую агрессии.

– А что значит это «21»?

– А вот тут я совсем без понятия, – развел руками Никита. – Возможно, это число что-то значило для нее при жизни. Призраки порой сохраняют память о чем-то очень важном. Если ты боишься, я могу предложить тебе переночевать у меня. Даша уехала с друзьями кататься на лыжах, постелю тебе в ее комнате.

– Я ненавижу спать в чужой постели, – Лера наконец улыбнулась.

– Тогда могу лечь у тебя. Мне все равно, где спать. Твой диван тоже подойдет.

– Кремнёв, это крайне благородно, но по-настоящему легче мне станет, только если ты ляжешь в мою кровать и всю ночь будешь держать меня за руку, – призналась Лера. – А разницы, дойти до дивана или твоей двери в случае чего, нет ровно никакой.

– Ну что ж, стучи, если понадоблюсь.

Ему даже в голову не пришло, что насчет кровати она не шутила. Не то чтобы Лера действительно не шутила, но он мог хотя бы рассмотреть такой вариант. Беда была в том, что с самого первого дня знакомства они стали друзьями, со временем превратившись в лучших друзей. Хотя нет, это не беда. Это просто констатация факта. Настоящая беда в том, что с того же первого дня Лера была в него влюблена. И за десять лет знакомства так и не избавилась от этого чувства. Возможно, она до сих пор так и не была близка к замужеству потому, что всех кавалеров сравнивала с Никитой Кремневым и все они непременно проигрывали.

Наверное, что-то в выражении ее лица натолкнуло его на верную дорогу мыслей. Правда, до конца так и не довело. Просто удивительно, как экстрасенс, понимающий чувства призраков, до сих пор не догадался о чувствах живой женщины.

– Но если ты еще не готова оставаться одна, мы можем допить вино у меня, – предложил он.

Что ж, на безрыбье, как говорится, и рак рыба.

Глава 3

Было очень страшно. Настолько, что никакие другие чувства и ощущения не могли пробиться к ней. В непроглядной темноте, окружающей ее, существовал один этот страх, будто в мире не осталось ничего другого. Чуть позже – насколько позже, она разобрать не могла, потому что время тоже перестало существовать – вдалеке зажегся слабый огонек. Он медленно приближался, но ярче не становился, однако и его хватало, чтобы немного разогнать темноту, позволить думать и пытаться понять, что происходит вокруг.

А вокруг пахло чем-то терпким, и на руках ощущалось что-то липкое. Это липкое обволакивало пальцы, ладони, предплечья, будто она сунула руки в горячий мед по самые локти. В ладонях что-то лежало. Живое. Оно шевелилось, и хотелось отбросить его, замахать руками, но она не могла.

Огонек приблизился настолько, что Яна наконец смогла рассмотреть свои руки. Липкая субстанция оказалась темно-красного цвета, и именно она терпко пахла. Яна не сразу поняла, что это кровь, но даже когда поняла, не испугалась. Просто потому, что бояться сильнее было уже некуда. И только разглядев, что держит в руках настоящее человеческое сердце, хоть и не связанное больше с венами и артериями, но все еще продолжающее биться, она наконец закричала.

– …Яна! Яна, проснись!

Знакомый голос ориентиром пробился и через крик, и через страх, и Яна наконец смогла вынырнуть из кошмара. Распахнула глаза, не сразу понимая, где находится, и, лишь разглядев встревоженное лицо Элизы, вдохнула, выдохнула и разрыдалась.

Элиза торопливо забралась к Яне в кровать, обняла ее и крепко прижала к себе. Яна рыдала как ребенок, громко всхлипывая и хватая ртом воздух. Элиза обнимала ее, ничего не спрашивая, а Яна сквозь слезы и крепкие объятия пыталась разглядеть свои ладони, убедиться, что на них нет крови, потому что биение сердца она все еще чувствовала.

Насилу удалось заставить себя успокоиться: еще немного – и начнет задыхаться. Элиза все это время обнимала ее и осторожно гладила по волосам и, только

когда она наконец перестала всхлипывать, спросила:

– Плохой сон?

– Не то слово, – скривилась Яна, вспоминая приснившееся.

Разве подобный кошмар можно назвать просто плохим сном? Плохой сон – это когда снится, что ты пришла на зачет неподготовленной. Или что застала своего парня в постели с другой. Или тебя преследует маньяк. А это – не плохой сон. Это самый настоящий кошмар!

– Хочешь, выпьем чая, чтобы ты успокоилась окончательно?

Яна хотела. И даже не чая, а чего-нибудь покрепче, но сказать постеснялась, что на самом деле было не очень-то на нее похоже. Яна Васильева крайне редко стеснялась. И тем не менее, хоть ей уже исполнилось девятнадцать, а Элиза была всего на десять лет ее старше, говорить, что в три часа ночи выпила бы что-то гораздо крепче чая, Яна не решилась. Мало того, что Элиза – ее бывшая учительница, так еще и практически мачеха. Пусть они с папой так до сих пор и не поженились, но живут вместе уже не первый год. А штамп в паспорте – простая условность.

Отца дома не было, он уехал по делам в соседний город, там и остался ночевать, поэтому они не боялись никого разбудить, дверь на кухню закрывать не стали. Элиза зажгла над столом неяркое бра, и Яна будто впервые увидела эту кухню. Нет, она много раз здесь бывала, даже ужинала при свете бра, но никогда раньше не понимала, насколько тут уютно и насколько людям необходим такой уют.

С десяти лет Яна жила вдвоем с отцом в маленьком городке, окруженном лесами и болотами. Папа был хорошим хозяином, зарабатывал на жизнь тем, что делал мебель, поэтому в их доме с нею проблем не было. Но мало иметь хорошую мебель, чтобы создавать уют. Папа этого по-мужски не умел, и Яну тоже никто не научил. У них на кухне даже занавесок не было, не говоря уже о милых глазу картинах и статуэтках.

К тому моменту, как в их жизни появилась Элиза, Яне было уже почти шестнадцать. Но первое время они собирали вещи, чтобы переехать на новое

место жительства, потом обустраивались здесь, а затем Яна закончила школу и уехала учиться в другой город. Жила сначала на съемной квартире, потом в общежитии. Так и получилось, что за девятнадцать лет жизни ей не у кого было научиться создавать уют. На ее кровати не лежали клетчатые пледы, на стене не висели постеры, а посуда была куплена в обычном гипермаркете. И никогда до этого момента она не задумывалась, что бывает по-другому. Что ей нужно по-другому. Сейчас, когда Элиза щелкнула кнопкой и по кухне разлился желтоватый свет, разогнавший по углам тени, мягко осветивший скатерть на столе, огромный букет цветов в вазе, занавески на окне, милые фотографии на стене, она поняла, что даже горький привкус сна стал не таким ощутимым, страх уменьшился и уже не хотелось бежать в ванную и оттирать руки от невидимой крови.

Элиза поставила чайник на плиту, огляделась в поисках спичек и, не найдя, легонько взмахнула рукой, спустив с ладони язычок пламени, мгновенно поджегший конфорку. Яна уже давно должна была привыкнуть к таким вещам, но каждый раз не могла сдержать восхищенного взгляда.

Пока чайник закипал, Элиза села напротив Яны, подперла щеку кулаком и уставилась на нее.

– Расскажешь, что приснилось? – заметив ее заминку, добавила: – Говорят, чтобы кошмар не сбылся, его обязательно нужно рассказать.

Рассказывать Яне не хотелось не потому, что в ее сне было что-то тайное или постыдное. Ей было страшно вспоминать то липкое чувство ужаса, которое не позволяло проснуться, не пропускало к ней ничего другого. Но Элиза права, лучше поделиться. Конечно, они обе не считали, что в таком случае сон не сбудется, но знали, что рассказать другому полезно для успокоения. Именно для этого люди и делятся секретами: чтобы разделить их тяжесть с кем-то другим.

– Я была в темноте, – начала Яна, разглядывая отблески света в золотистых волосах Элизы. – И мне было так страшно, как будто в мире ничего, кроме страха, и не осталось вовсе. Казалось, что я ничего не вижу и не слышу, только чувствую что-то липкое на ладонях. Потом стало чуть светлее, и я увидела, что мои руки выпачканы кровью, очень много крови вокруг. А в ладонях я держу сердце, и оно еще бьется!

Яна и сама не заметила, как по щекам потекли слезы. Только когда Элиза протянула руку и погладила ее по щеке, вытирая их, поняла, что и сама снова дрожит. Замолчать и не лезть глубже в неприятные воспоминания не получалось. Особенно когда руки уже сжимают горячую чашку, а напротив сидит человек, который всегда поддержит.

– Но самое главное, что это уже третий такой сон за последний месяц, – все-таки добавила она.

– Всегда один и тот же? – уточнила Элиза.

– Да.

Яна замолчала, и Элиза тоже молчала, глядя в чашку и о чем-то думая.

– Как думаешь, это что-то значит? – осторожно спросила Яна.

– Наши сны всегда что-то значат, – пожала плечами Элиза. – Как минимум для нас самих. Ты уверена, что недавно не произошло ничего такого, что тебя впечатлило бы? Может быть, кадры какой-нибудь аварии? Страшный фильм?

Яна нервно фыркнула.

– Я, конечно, довольно впечатлительная, как говорит папа, но не настолько. Да и не припомню ничего такого. Сны появились будто из ниоткуда.

– И в целом никаких потрясений в жизни не было?

– Если не считать того, что я не сдала зачет по Уголовному праву, никаких. Ты всегда в курсе всех моих потрясений.

– Что ж, тогда действительно непонятно и пугающе, – признала Элиза.

Вот за это она всегда Яне нравилась. Если Элиза чего-то не знала и не понимала, она не пыталась давить разницей в возрасте и непременно отстаивать свое мнение, придумывая его на ходу. Яна и сейчас не ждала, что Элиза непременно что-то придумает, достаточно было просто выговориться.

– Может, мне сходить к какой-нибудь гадалке? – не то в шутку, не то всерьез предложила Яна. – Вдруг это вещий сон.

– А ты знаешь гадалку, которая наверняка что-то умеет? – приподняла брови Элиза. – И потом, ты ведь будущий следователь, должна понимать, что о готовящемся преступлении должно знать как можно меньше людей.

Яна не выдержала и рассмеялась. Конечно, она не думала, что сны ее предвещают, будто она кого-то убьет и вырвет ему сердце. Скорее всего, на нее действительно что-то сильно повлияло, а теперь подсознание шлет такие вот пугающие сигналы. И поможет ей не гадалка, а хороший отдых. Сдаст зачет по Уголовному праву и укатит с друзьями на недельку отдыхать, как и собиралась. После такого отдыха все кошмары исчезают как по мановению палочки, уж она-то знает.

Они просидели на кухне за чаем еще почти час, болтая обо всяких глупостях и обсуждая ближайшие планы. Элиза делилась тем, что никак не может уговорить Максима, Яниного отца, отодвинуть дела и поехать на Новый год куда-нибудь, где есть снег. Потому что на Новый год всегда должен быть снег. Лучше бы в Европу, но в условиях бушующей пандемии коронавируса такая перспектива выглядела слишком призрачной уже летом. Максим вроде бы и не против, но при этом до сих пор не разрулил все дела, а без его твердого согласия Элиза не может ни отель забронировать, ни билеты купить. Между тем январь все ближе, и они запросто могут не успеть, поскольку такие вещи следует планировать заранее. Сильно заранее. Желательно летом.

Что Яна могла на это сказать? Она прекрасно знала отца. У него вечно куча дел, но ровно до того момента, пока не случится что-то очень важное, ради чего он все бросит. Яна прекрасно помнила, как твердо, без малейших признаков сожаления он бросил и обустроенный дом, и наработанную клиентскую базу в Лесном, подхватил практически под руки и ее, и Элизу и перевез сюда. Наверняка и сейчас так сделает: за час до самолета все бросит и поедет. Так что на месте Элизы она взяла бы билеты и просто поставила его перед фактом.

Яна рассказывала об учебе, хотя на этом фронте у нее не было особых проблем. И даже зачет она не сдала не потому, что не подготовилась вообще, а потому, что не подготовилась на своем уровне. Преподаватель по уголовному праву не скрывал, что относится к ней не так, как к другим студентам, и требует гораздо

больше.

– Не так?.. – уточнила Элиза, тоном предлагая продолжить, и Яна не сразу поняла, что она имеет в виду, а когда поняла, расхохоталась:

– Ой, да не в этом плане! Если бы я и решила закрутить роман с преподавателем, то уж точно не с ним.

– Он старый и страшный? – улыбнулась Элиза.

– На самом деле он молодой и довольно симпатичный, но… – Яна осеклась.

Преподаватель уголовного права Никита Андреевич Кремнев действительно был молод и хорош собой, но в университете его считали немного чокнутым. Говорили, что он умеет общаться с призраками и видит их не хуже, чем реальных людей. Так это или нет, Яна не знала, но была одной из немногих, если вообще не единственной, кто в это в принципе мог поверить. Но был в самой Яне один изъян, который сильно мешал ей жить, но победить который она пока не могла: ей было важно чужое мнение. Не каждое, конечно, но мнением большинства друзей и однокурсников она дорожила. Наверное, дело было в том, что в десять лет она сменила место жительства и полностью круг общения, в новый коллектив вливалась тяжело и долго и с тех пор переживала, что ее снова оттолкнут. А закрутив роман с Кремневым, она определенно удостоилась бы косых взглядов. Но сказать сейчас об этом Элизе постеснялась: Элиза ведь тоже не такая, как другие, вон как ловко огонь одним желанием зажигает, а ведь это далеко не все, что она может! Яна не была уверена, что правдивый ответ не обидит ее.

– …но я не завожу романов с преподавателями, – закончила она.

Когда они наконец разошлись, часы уже показывали почти пять утра, но за окном по-прежнему было темно. В декабре светлеет поздно, но в этом регионе хоть светлеет. Яна прекрасно помнила шесть лет жизни в Лесном. Вот там и осенью бывали дни, когда, казалось, совсем не светлело, что уж говорить про зиму.

Сон не забылся, конечно; никакой чай, никакие занавески и откровенные разговоры не могли так быстро стереть его из памяти. Поэтому, когда Яна

испуганно остановилась на пороге своей комнаты, глядя в темноту, Элиза все поняла.

– Хочешь, я лягу с тобой? – предложила она.

– Хочу, – не раздумывая, согласилась Яна.

Глава 4

На кладбище было не столько холодно, сколько ветрено и промозгло. В той его части, где продолжались захоронения, деревьев не было совсем, а потому ничто не мешало зимнему ветру носиться между могил и крестов, выть по покойникам и кусать за обнаженную кожу редких посетителей.

Вынырнув из теплого салона машины в декабрьскую серость, Саша поежился и торопливо застегнул молнию куртки. Шапки он не носил принципиально даже в самые лютые морозы, поэтому сейчас ледяной ветер шевельнул волосы и, как нашкодившего ребенка, схватил за уши. Оперативник Лосев, велевший звать его Лешей и на «ты», нехотя выбрался следом. Выскользнула с заднего сиденья и судмедэксперт Лера. В ее присутствии не было необходимости, но, как Саша понял по их с Лешей разговору, вечером они вместе собираются куда-то ехать, а так как рабочий день уже закончился, она решила прокатиться с ними.

– Хорошая у тебя машина, – сказал Леша, тоже застегивая пальто.

Похвалил, конечно, но таким тоном, будто укорил.

– Отец подарил, – не стал скрывать Саша.

Он такие вещи никогда не скрывал. Ежу же понятно, что на зарплату участкового ни айфон, ни БМВ не купишь. И это он в форменной одежде, а то сразу по дорогущей куртке все стало бы понятно. Врать и выкручиваться Александр Сатинов не любил, да и смысла в этом не видел. Люди же не слепые, зато фантазеры. Сами такого напридумывают, что потом надоест разгребать.

– И не совестно такому здоровому лбу деньги у отца брать? – А вот Лера вроде и поддела, но, наоборот, со смешком и будто даже одобрением.

– Не-а, – рассмеялся Саша. – Если уж повезло с отцом, зачем строить из себя бедного гордого героя?

Лера понимающе кивнула, а Леша только что-то фыркнул. Он сегодня был заметно не в настроении, но лезть в душу к малознакомым людям Саша привычки не имел.

Кладбище было большим, открылось давно, поэтому были здесь и старые могилы, но они заехали в новые ворота и сразу попали в действующую его часть. И вот ведь странно: Саша всегда думал, что жуть навевают старые, заброшенные и заросшие погосты, но оказалось, что новые гораздо страшнее. В старых царит забвение и спокойствие, а новые, со свежими могилами, усыпанными цветами и венками, с не осевшей еще землей, нагоняют страх и напоминают, что однажды в такой могиле будешь лежать ты сам. И вовсе не обязательно тебе при этом будет девяносто восемь лет, а вокруг соберется толпа рыдающих наследников.

Поскольку только Леша знал из материалов дела, где нашли тело бомжа, он пошел вперед, а Саша и Лера потянулись следом.

– Жутко как, – не выдержал Саша, когда они проходили мимо очередной свежей могилы, которой было почти не видно за огромным количеством венков, только крест с датами возвышался над этой пластиковой скорбной горой. И табличка утверждала, что умершему было всего двадцать шесть лет.

– Что именно? – отозвалась Лера.

Она, в отличие от него, головой не крутила и могилы не разглядывала. Ну и правильно, чего еще ждать от судмедэксперта? Она этих смертей каждый день десятками видит, и большая часть ее «клиентов» как раз молодые. Ее такими табличками и такими датами не удивить.

– Ну, молодой такой, – Саша кивнул на впечатлившую его могилу. – Венков много, столько людей скорбит.

– А по-моему, гораздо более жутко было бы, если бы был всего один венок, – заметила Лера, – и не важно, сколько лет тому, кто под ним. Важно, что здесь, в этом мире, остался один человек. Понимаешь?

Саша даже притормозил немного, до того неожиданной оказалась эта мысль. В таком ключе он о смерти никогда не думал. Наверное, потому что если бы ему внезапно пришлось умереть, то на его могиле тоже было бы много венков.

– Ну, вы идете? – окликнул их Леша.

– Пойдем, – Лера чуть подтолкнула его вперед и даже едва заметно растянула губы в улыбке. – Потом над этим подумаешь.

Саша растерянно кивнул: смысл сказанного дошел лишь мгновение спустя, когда она уже ушла вперед. И поскольку теперь он шел последним, последним и увидел то, что открылось ранее Леше и Лере. На самом деле, он до последнего не замечал ничего странного, только когда обратил внимание, что коллеги остановились и на что-то удивленно смотрят, тоже притормозил.

– Что за ерунда? – едва слышно произнес Леша.

– Это точно то место? – уточнила Лера, и в ее голосе отчетливо сквозило удивление пополам с недоверием.

– Точно, я все записал.

Саша выглянул из-за спин коллег и наконец увидел, что так удивило обоих: на одной из могил, выложенной темно-серой плиткой, будто пьедестал, виднелось огромное черное пятно в форме креста. И если сначала казалось, что оно нарисовано краской, то при ближайшем рассмотрении выяснилось, что не нарисовано, а выжжено. Будто кто-то выложил на могиле крест каким-то горючим материалом, а затем сжег дотла, оставив только пепел.

– На этой могиле и нашли убитого бомжа, – пояснила Лера, видя его недоуменный взгляд.

– И, судя по фотографиям с места преступления, ничего выжженного здесь тогда не было, – добавил Леша.

– И само тело без следов огня.

Только тогда до Саши дошло, что это не крест, а очертания тела. Бомж, как и убитая ведьма, лежал на спине, раскинув руки в стороны и вытянув ноги. Саша еще тогда поинтересовался, не может ли это иметь какого-то религиозно-ритуального значения, но Лера ответила, что это типичная поза пациента во время операции. Руки привязывают к столу, чтобы человек нечаянно не дернулся.

Леша тем временем подошел к могиле, наклонился, разглядывая пепел, а затем стянул с руки перчатку и аккуратно притронулся к нему.

– Еще теплый, – удивленно произнес он.

Выпрямился, огляделся по сторонам, будто ждал, что человек, сделавший это, все еще где-то здесь. Саша тоже огляделся, но в этой части кладбища находились только они. Впрочем, спрятаться за одним из памятников не составило бы труда. Особенно если учесть, что некоторые родственники умерших умудряются сделать из могилы настоящий цветник, а то и сад. По правде говоря, здесь роте солдат спрятаться несложно, не то что одному человеку.

Леша вытащил телефон, вывел на экран фотографию фотографии, которой с ним поделился следователь, сравнил с тем, что они видели.

– Это убийца, – взволнованно произнес он. – След точно повторяет позу и местоположение жертвы.

Лера и Саша подошли ближе, заглянули в экран телефона.

– Или не убийца, а кто-то из полицейских или криминалистов. Они тоже хорошо знают, как лежало тело, – заметила Лера.

Леша удивленно взглянул на нее.

– И зачем им это?

– Понятия не имею. Просто говорю, что не один убийца имеет эту информацию.

Леша посмотрел на нее так, что Саша почти наяву услышал: «Зануда!» Однако хотел он это сказать или нет, узнать не удалось, потому что у Леры зазвонил телефон, отвлекая внимание на себя. Она вытащила мобильник, почему-то нахмурилась, а затем отошла в сторону и приложила телефон к уху.

– Как думаешь, что это может значить? – поинтересовался Саша.

– Ни одной мысли, – признался Леша.

– Может, убийца оставляет нам какое-то послание?

– Может. – Леша вроде бы и согласился, но как-то так, что Саша сразу понял: версия кажется ему слабоватой. – Только откуда ему было знать, что мы снова вернемся на место убийства и непременно это увидим? Даже если предположить, что кто-то мог нам оставить сообщение, то не в случае убийства с бомжом. Он никому не нужен, едва ли кто-то озаботился бы передачей данных полиции.

Тем временем вернулась Лера, и вид у нее был крайне озабоченный.

– Вы сейчас удивитесь, – заявила она. – Но тела бомжа больше нет.

Оба как по команде повернулись к ней, и на лицах было написано одно и тоже выражение.

– Куда оно делось? – первым спросил Леша.

– Сгорело.

– Чего-о?

– Сгорело, – невозмутимо повторила Лера. – Буквально минут пятнадцать назад. Полностью, остался один пепел.

Вот это номер! Ввязываясь в расследование, Саша предполагал, что оно окажется интереснее рутинной работы участкового инспектора, но чтобы настолько! Этого он даже в самых смелых фантазиях представить не мог.

– Но кто его мог сжечь? – недоумевал Леша.

– Так, чтобы от тела остался один пепел? – хмыкнула Лера. – Никто. Морг – не крематорий, а тело сгорело прямо в холодильнике. Если я все правильно поняла, конечно.

Все трое снова переглянулись. Общую мысль высказал Леша:

– Поедем посмотрим?

?

Лосев действительно собирался провести этот вечер с Лерой, но все-таки думал, что рядом будут еще его жена и родители обеих, а вовсе не участковый Саша Сатинов. И сидеть они будут за накрытым столом, ломящимся от угощений, на которые всегда была мастером вторая жена его тестя, а не ехать по темной дороге в морг соседнего городка. Впрочем, когда он высказал робкое предложение вместо семейного ужина, на котором наверняка поднимется тема его развода с Анютой, поехать в морг посмотреть на то, что осталось от бомжа, Лера недолго думала. А уж когда мажорчик-участковый предложил их отвезти на своей крутой тачке, сомнения и вовсе исчезли.

Сообщив о том, что увидели на кладбище, следователю Воронову и получив его заверения, что сейчас сюда будут направлены криминалисты, и благословение ехать в морг, они и поехали. По дороге, естественно, все разговоры крутились только вокруг дела, полицейские выстраивали разные версии, но так ни до чего и не додумались. Да и сложно было что-то понять, пока не видели тела или того, что от него осталось. До морга добрались уже в полной темноте. Местный судмедэксперт, который и обнаружил произошедшее, ждал у входа, поскольку Лера успела позвонить ему чуть раньше. Он нервно курил, и Лосев мог бы

поклясться, что за сегодняшний вечер это далеко не первая его сигарета.

Грузный мужчина лет шестидесяти, с залысинами и пивным брюшком, оторвался от стены и шагнул навстречу приехавшим. Лосев заметил, что пусть руки у него и не трясутся, но на лице написана крайняя степень встревоженности и даже испуга. Мужчина выбросил окурок, пожал руки всем приехавшим и кивком пригласил их внутрь. Лера сразу же поинтересовалась, как все произошло, а вот от вопроса до ответа прошла почти целая минута. Судя по всему, эксперт, представившийся Николаем Вадимовичем, собирался с духом.

– Я закончил все вскрытия еще до обеда, – наконец начал он, ведя гостей по длинному пустому коридору, в котором гулким эхом раздавались шаги, и звук этот казался Лосеву зловещим. Он работал в полиции больше десяти лет, но такие преступления случаются не каждый день, а потому производят впечатление и на видавших виды оперов и следователей. – До конца рабочего дня занимался бумагами, сами понимаете, пришли результаты анализов, нужно было внести их в документы. В общем, обычная рутинная работа, в которую ушел с головой, даже покурить не выходил. И вдруг чувствую: паленым пахнет. А зима же, окна все закрыты. Я сразу пошел проверять. Туда ткнулся, сюда. Нету ничего. И пожарные извещатели молчат. Но пахнет! Наконец сообразил, что запах из холодильников доносится. Начал все проверять. Открыл отсек с вашим жмуриком, а там, можно сказать, горстка пепла вместо тела. Сразу вам позвонил, потом уже начальству. Жуткое зрелище.

– Жуткое? – с тревогой переспросил Сатинов. – Вы же говорите: горстка пепла.

– Ну, не совсем горстка, – уклончиво ответил эксперт. – Сейчас сами все увидите. Такое сложно описать.

Лера поблагодарила за рассказ, а вот Сатинов побледнел. Будто до этого еще не верил в происходящее или считал его приключением, а тут внезапно осознал, во что вляпался. Лосев был почти уверен, что сейчас он заявит, что подождет в машине, но парнишка оказался крепким, ничего не сказал, только один раз с шага и сбился.

– А камеры у вас есть? – поинтересовался Лосев.

– Конкретно в том помещении нету, – покачал головой судмедэксперт. – Что там снимать? Холодильники одни, и те закрыты. Камеры в прозекторской стоят, это соседняя комната.

Жалко. Но кто ж знал, что однажды и в помещении с холодильниками произойдет нечто необычное? Пришлось попросить Николая Вадимовича выдать им хотя бы перчатки и предупредить коллег особо не топтаться по полу и лишнего не трогать. После кладбища Воронов и криминалисты собирались наведаться и в морг, не следует затаптывать следы, как это сделал Сатинов в доме ведьмочки.

Помещение, куда привел их Николай Вадимович, было небольшим, пустым и очень холодным. Вспыхнула под потолком яркая лампа, и все увидели открытую дверцу холодильника, из которого была вытащена каталка, накрытая простыней. Обычно под такими простынями угадываются очертания человеческого тела, но здесь сразу становилось понятно, что под белым покрывалом не человеческое тело, а нечто гораздо меньших размеров. И лишь при ближайшем осмотре Лосев заметил, что простыня прожжена в нескольких местах. Тут уж не только Сатинов, но и он притормозил. Подходить ближе расхотелось. Зато вперед шагнула Лера. Аккуратно отвернула простыню и явила миру страшное: вместо тела на каталке лежало нечто черное, обугленное, высохшее, напоминающее очертаниями человека, но больше похожее на страшную мумию. В отличие от того, что они увидели на кладбище, здесь руки были вытянуты вдоль тела, а не раскинуты в стороны, и, похоже, некоторые кости не сгорели до конца: в паре мест пепел казался чуть объемнее… Но здесь и горело тело, а там… А черт его знает, что сгорело на кладбище. Лосев решительно ничего не понимал. Но самым страшным был даже не этот обгоревший черный труп: жуткое зрелище производили оставшиеся нетронутыми глаза. Веки исчезли, череп наполовину разрушен, а вот глазные яблоки остались. Впервые за все время работы в полиции Лосеву захотелось напиться до беспамятства вечером, чтобы спать без кошмаров. А иначе эти глаза совершенно точно приснятся ему ночью!

Пока Лера изучала тело, точнее, то, что от него осталось, они с участковым близко не подходили. Хватало запаха и этих глаз, которые, казалось, следили за ними, в какую бы сторону они ни пошли. Вместо этого Лосев осторожно осмотрелся, но в помещении не было ничего интересного. Все холодильники закрыты, на некоторых висели бирки с краткой информацией о том, кто находится внутри, но большая часть оставалась пустой. Окон в помещении не

было, а единственная дверь выходила в прозекторскую с камерами. Значит, если бы кто-то входил сюда, то на камеру попал бы. Правда, для этого ему пришлось бы пройти через кабинет, где работал в этот момент судмедэксперт, так, чтобы тот не заметил, а это уже маловероятно.

После того как Лера закончила с осмотром, все трое вывалились в морозную ночь, и Лосев наконец вдохнул полной грудью свежий воздух, но тут же полез в карман за сигаретами. Если уж напиться ему не светит, пока, по крайней мере, то закурить он может себе позволить. Лера тут же попросила сигарету, хотя курила крайне редко. Пожалуй, Лосев мог бы назвать всего пару таких случаев. Сатинов от сигареты брезгливо отказался. Ну и пусть себе ждет следователя и криминалистов так.

– Твои выводы? – спросил Лосев Леру, когда сигарета догорела почти до середины и он смог наконец говорить.

– Черт его знает, – выдохнула та. – Невозможно так сжечь тело вне стен крематория. Даже если пробрался туда кто-то и умышленно поджег, то не сгорело бы оно до такой степени. Там же почти ничего не осталось! Фрагменты нескольких костей да глазные яблоки. Тем более тело сгорело, а простыня, которой он было накрыто, нет!

Голос всегда хладнокровной Леры дрогнул, и она поспешно затянулась, пытаясь скрыть за сигаретой волнение.

– Тогда как такое возможно? – поежился Саша.

Лера выпустила в воздух сизую струйку, посмотрела сначала на одного, потом на другого и наконец спросила:

– Про самовозгорание человека слышали когда-нибудь?

Лосев, детство которого пришлось на девяностые с их расцветом интереса ко всякого рода паранормальщине и популярности таких сериалов как «Секретные материалы», про самовозгорание хоть что-то слышал, а вот молоденький Саша, который в конце девяностых только родился, округлил глаза и непонимающе нахмурился:

– Про что?

– Самовозгорание человека, – повторила Лера. – На самом деле, эта теория не находит серьезного научного подтверждения, – вздохнула она. – Многие даже отрицают сами случаи самовозгорания, считая их не более чем мистификацией.

– Но у нас-то не мистификация, – осторожно заметил Лосев.

– Если все же принять за правду, что такие случаи бывают, то вот что известно на данный момент: чаще всего самовозгоранию подвержены люди со склонностью к алкоголизму. Обычно сгорает все тело, но иногда что-то остается: кисть, стопа, часть черепа. Вроде как у нас. Правда, никогда не слышала, чтобы оставались глазные яблоки. Окружающая обстановка чаще всего не страдает. Бывает, даже одежда остается.

– Как такое возможно? – удивился Сатинов.

Лера развела руками.

– Есть несколько теорий. Самая известная, хотя тоже объясняющая далеко не все, – так называемый эффект «человеческой свечи». Человеческий жир при определенных условиях плавится, и плавится медленно. Таким образом сгорают все внутренние органы, а одежда, если она произведена из малогорючих материалов, остается. Не страдает и обстановка, поскольку как такового пожара нет. Объясняет это и то, почему порой остаются конечности или череп – в них нет жира.

– А что, всегда сгорают толстые? – удивился Сатинов. – Я думал, бомжи голодают.

– В том-то и проблема, что самовозгоранию подвержены не только люди с лишним весом, поэтому теория и не общепризнана. Кроме того, чтобы жир начал плавиться, что-то должно его поджечь.

– А что может это сделать?

Лосев фыркнул. Участковый сейчас походил на ребенка, которому фокусник открывает секреты своего мастерства.

– На этот счет тоже есть разные теории, – пожала плечами Лера. Она, в отличие от Сатинова, говорила таким тоном, будто объясняла самое популярное в мире явление. – Одни говорят про статическое электричество, которое накапливает тело. Дескать, когда разница потенциалов становится слишком велика, происходит возгорание. Честно говоря, я не сильна в физике, могла что-то напутать, так что, если интересно, сам поищи информацию. Другие обвиняют во всем шаровые молнии. Но, на мой взгляд, объяснять одно неизученное явление другим неизученным явлением – не самая лучшая затея. Есть еще теория об «адском пламени», в котором и сгорают несчастные, но это уж точно не ко мне.

– Ты не веришь в ад? – хмыкнул Лосев.

– Я не верю в его пламя, – не осталась в долгу Лера.

Сатинов какое-то время молчал, внимательно глядя в темноту перед собой, а затем поинтересовался:

– Слушай, а откуда ты все это знаешь? Неужели в университете такому учат?

– Я просто люблю необычные смерти, – пожала плечами Лера. – Поэтому и стала не патологоанатомом, а судмедэкспертом. Но вообще это всего лишь полет моей фантазии. Может, Витя со своей лабораторией обнаружит здесь какое-нибудь горючее вещество, которое и объяснит произошедшее.

Лосев в подобное горючее вещество верил едва ли больше, чем в теорию самовозгорания, и по Лериному тону понимал, что она тоже. К тому же, кто-то должен был это горючее вещество пронести мимо эксперта… Но обсуждать дальше не осталось времени, поскольку по стене здания скользнул свет автомобильных фар и во двор въехали знакомые автомобили, с машиной следователя во главе.

Глава 5

Даша прилетела в три часа ночи. Пока получили багаж, пока добрались домой, пока выпили чаю, пока сестрица поделилась впечатлениями об отдыхе, наступило утро и ложиться спать стало уже некогда. Даша, конечно, пожелала хорошего дня, чмокнула в щеку и отправилась в свою комнату, а вот Никите пришлось принимать душ на несколько градусов прохладнее обычного и пить дополнительную чашку кофе, чтобы не уснуть уже на первой паре. Но к концу лекций сонливость наконец прошла, а потому, когда на дополнительное занятие пришла Яна Васильева, послать ее подальше и поехать домой спать Никите уже не хотелось. Тем более сам же ее и позвал.

Яна не сдала зачет. На самом деле любому другому студенту с тем багажом знаний, с которым она пришла, он бы зачет поставил, и ей собирался, уже даже руку над зачеткой занес, остановился в последний момент. Никита преподавал уже пять лет и давно научился отличать тех студентов, кому учиться лень и от кого требовать чего-то сверхъестественного не стоит, от тех, кому действительно интересно, кто приходит на лекции не поспать на заднем ряду, а получить знания и научиться применять их в жизни. И он видел, что тему Яна поняла плохо. На зачет хватит, конечно, но… Когда его рука зависла над зачеткой, Яна, очевидно, все поняла и сама спросила, когда прийти на пересдачу.

Когда Никита накануне рассказывал об этом Даше, объясняя, почему не сможет пойти с ней в кино после работы, та хохотала, что более двусмысленную ситуацию и представить сложно. И он, к собственному стыду, ни о чем таком не думавший раньше, прихода Яны ждал с опаской. Что, если она подумала так же, как и его сестрица? Яна ему нравилась. Не как девушка, романов со студентками Никита Андреевич Кремнев не заводил принципиально, а как человек и студентка. Она была любознательной, хваткой, целеустремленной, прямой как рельса, не лезла за словом в карман, но и в сарказме на окружающих не упражнялась. Мечтала стать следователем, что в некотором смысле их роднило, но у нее, в отличие от него, были все шансы добиться вершин в этом ремесле.

К счастью, Яна все поняла правильно и пришла пересдать зачет с помощью знаний, а не внешних данных и определенного досуга. Никакой чуть более открытой одежды, никаких намеков и взглядов. Никита незаметно выдохнул, в полной мере осознав, как напряжен был весь день. Он приготовил несколько методичек, которые хотел дать изучить Яне перед зачетом, а также кое-что объяснить по ним, чтобы она действительно разобралась в сложном для себя вопросе, а не просто заучила ради оценки, но его отвлекли: позвонил знакомый с

просьбой встретиться. И не когда-нибудь, а прямо сейчас.

– Это быстро, – ныл он, – а я совсем рядом с твоим универом. Просто покажу кое-что, хочу услышать твое мнение.

И Никита не смог отказать, хоть и догадывался, что знакомый специально сначала приехал, а потом позвонил, не дав шанса отвертеться. Велев тому подходить, он выдал Яне конспекты, попросив пока изучить их самостоятельно.

С Алексеем Лосевым Никита познакомился еще в школьные годы, хоть тот и был на пять лет старше. Младший брат Алексея учился с Никитой в одном классе и был одним из тех, кто с ним вообще общался. Можно сказать, они дружили. Если только у школьного изгоя вообще могли быть друзья. Однако Никита теперь считал себя обязанным и Андрею, и всей его семье, а потому никогда не отказывал Леше Лосеву в помощи. А просил он не так уж и часто.

Леша пришел довольно быстро, и по объемной папке в его руках Никита сразу понял, что мало времени их общение не займет. Бросил взгляд на Яну, но та с головой ушла в конспекты и недовольства не выказывала. Леша тоже посмотрел сначала на Яну, потом на Никиту и, очевидно, понял все как и Дарья, потому что в его глазах вспыхнуло нечто, напоминающее неловкость. Впрочем, быстро погасло. Никита давно понял, что подобные чувства не в ходу у сотрудников полиции.

– Что стряслось? – вполголоса поинтересовался он, указывая знакомому на стул рядом.

Леша покорно сел, положил перед Никитой папку и подтолкнул к нему.

– Хочу, чтобы ты взглянул на это дело и высказал экспертное мнение.

– Такое уж и экспертное, – усмехнулся Никита.

– Поверь – да!

Заинтригованный, Никита осторожно открыл папку. Среди кучи бумаг первым делом отыскал фотографии, поскольку даже снимки всегда говорили ему

больше, чем буквы на бумажке, а уж если увидеть тела вживую… Вживую он считывал информацию с мертвых так точно, будто на какое-то время вселялся в них, слышал и чувствовал то, что слышали и чувствовали эти люди перед смертью. Фотографии такого эффекта не давали, но и по ним он мог кое-что ощутить. Легкий след, флер, как свежесть летнего утра после ночного дождя.

Два тела, мужское и женское. Оба обнажены до пояса, грудные клетки вскрыты, сердца отсутствуют. Море крови вокруг. Женщина лежит на полу в квартире, мужчина на чем-то, похожем на могилу. Судя по всему, на кладбище. Мужчина явно асоциальная личность, женщина вроде приличная, хотя даже по фотографии Никита понял, что некоторые приличной ее не считали. Для ночной бабочки немного старовата, хотя кто знает?

– Кто они? – спросил Никита, продолжая разглядывать снимки.

– Мужчина – Серегин Михаил Иванович, тысяча девятьсот семидесятого года рождения, безработный, бездомный. Родственников не нашли, поэтому о прошлом особо не известно. Имя и год рождения установил участковый, опросил местную братию, а те паспорт разыскали, – тихонько рассказывал Леша. – А женщина – Андреева Маргарита Степановна, тридцать восемь лет…

– А она кто? – с нетерпением перебил Никита. Очень уж хотелось понять, почему ее считали неприличной.

– Она ведьма, – хмыкнул Леша.

Ведьма. Вот оно что. Да, таких частенько недолюбливают, неважно, настоящая ведьма или шарлатанка.

– Что с их сердцами?

– Убийца забрал. Лера считает, что работал профессионал. Крови много, но сердца вырезаны аккуратно.

– Едва ли черный рынок органов, тогда на голой земле вырезать не стали бы, – покачал головой Никита.

– Вот и мы так думаем. Но кто сказал, что врач не может быть маньяком? Он даже отпечатки пальцев оставил, но в этом направлении пока глухо. Проверяем, изучаем. Однако вот тут еще интереснее.

Леша выудил из общей папки несколько снимков, которые заставили Никиту непроизвольно поморщиться. Он сразу узнал в жутких очертаниях сгоревшие полностью тела. Одно лежало тоже на кладбище, а второе, очевидно, в морге. Однако сюрпризом для Никиты стало объяснение Лосева, что это тело Серегина. Точнее, то, что в морге, Сергеева, а вот чье на кладбище – неизвестно. Тело сгорело полностью, экспертизу не сделать, но лежало оно на том же месте и в той же позе, где нашли Серегина.

– Это тоже он, – сказал Никита, рассмотрев оба снимка подробнее.

По Лешиным глазам понял, что тот примерно такого ответа и ждал, но хотел объяснений, как это может быть. Как одно и то же тело может сгореть одновременно в двух местах.

– На кладбище сгорело не само тело, – не слишком уверенно пояснил Никита, тщательно подбирая слова. Порой объяснить то, что чувствуешь интуитивно, очень сложно. Особенно когда и сам не до конца уверен, что ощущения не подводят. Это как переводить с иностранного языка, который неплохо знаешь, не будучи профессиональным переводчиком. Слушая чужую речь, ты не переводишь ее себе, ты ее и так понимаешь. А потому перевести другому иногда очень сложно. – А как бы проекция, фантом. В то время, когда само тело горело в морге, появлялась и проекция на кладбище. В момент смерти, особенно насильственной, происходит огромный выброс энергии. Невидимой глазу человека, как бы… ментальной. Остается след на ткани мироздания. Возможно, именно этот след и сгорел на кладбище. Думаю, если бы с момента смерти Сергеева прошло больше времени, след бы исчез.

Лосев немного помолчал, глядя на снимки и, наверное, раскладывая непонятную информацию по полочкам, а потом спросил:

– Ты когда-нибудь видел такое раньше?

Никита качнул головой.

– Даже не читал о подобных случаях. Так что считай, это мои догадки и собственные выводы. Не факт, что правильные. Это не совсем то, что я умею. А зачем его сожгли? Я же так понимаю, это не крематорий?

– Не крематорий, – задумчиво подтвердил Леша. – Это морг. Кто и зачем поджег – неизвестно. Лера вообще выдвинула версию, что это самовозгорание.

Самовозгорание! У Никиты засосало под ложечкой, страшно захотелось попросить посмотреть на это тело, хоть по фотографии и было понятно, что смотреть там уже почти не на что. Но когда еще ему представится случай прикоснуться к феномену, задокументированные случаи которого можно по пальцам пересчитать? А уж если Лера предположила самовозгорание, значит, все более или менее реальные версии не сработали, остались лишь фантастические. Потому что Валерия Горяева вовсе не тот человек, который сходу начнет бросаться подобными словами. Никита видел, что даже тем вечером, когда Лера пришла к нему с рассказом о следах в ванной, она так до конца и не поверила в то, что он сказал.

– А что со вторым телом? – спросил он.

– Второе на месте. – Леша взглянул на него с подозрением. – Думаешь, с ним может случиться то же самое?

– Пятьдесят на пятьдесят. Если самовозгорание связано со способом убийства, то произойдет. А если нет, то не произойдет. Честно говоря, я вообще никогда не слышал о случаях самовозгорания уже мертвого тела.

– Так может, это и не оно? – с надеждой спросил Леша. Никита понимал его чувства: лучше бы это был умышленный поджог, с ним полицейский знает, как работать. Но если бы был хоть крохотный шанс, что это поджог, Леша не пришел бы к нему.

– Можно мне взглянуть на тело? – решился Никита.

– На которое?

– На оба.

– Не вопрос. Хоть сегодня.

Никита взглянул на часы, прикидывая, сколько времени займут занятия с Яной и успеет ли он посетить морг. Леша предупредил, что сгоревшее тело находится в другом городе, значит, сегодня туда съездить они уже не успеют, а вот увидеть тело ведьмы вполне возможно. Пожалуй, часа с Яной хватит за глаза. Леша заверил, что у него как раз есть несколько дел неподалеку, а через час он заедет за Никитой и они вместе отправятся в морг. Только после этих слов Никита наконец понял, что за этим полицейский и приходил: не услышать экспертное мнение, а заинтересовать, заставить незаметно самому попросить взглянуть на тело. То есть это не он, Лосев, попросил Никиту поехать, а Никита сам захотел. И вроде как Лосев после этого ему ничего не должен. Не то чтобы Никита обязательно потребовал бы что-то за услугу, скорее, он сделал это машинально. Что ж, хорошая привычка, сильно облегчает жизнь.

За Лешей закрылась дверь, а Никита все еще мысленно рассматривал фотографии, прислушиваясь к ощущениям и намечая план действий, когда увидит тело ведьмы, поэтому не заметил, как Яна закрыла конспекты и подошла к нему. И только когда она окликнула его, поднял голову и встретился с ней взглядом. И сразу понял, что заниматься теорией в ближайший час они не будут, а в морг он поедет не один.

?

Яна никогда не была любительницей подслушивать чужие разговоры; если и случалось стать их невольной свидетельницей, то абсолютно без злого умысла и предварительного сговора с совестью. Как и в этот раз. Когда к Никите Андреевичу пришел неизвестный мужчина, она лишь скользнула по нему взглядом и, не узнав, вернулась к конспектам, пытаясь вникнуть в сложную тему, чтобы потом, когда Кремнев начнет объяснять ей более подробно, не показаться совсем уж глупенькой дурочкой. Хватит и того, что зачет не сдала, позорище. Однако, когда она поняла, что посетитель – полицейский и пришел он, чтобы о чем-то посоветоваться с преподавателем, слух сам собой обратился к их разговору.

Яна хотела расследовать преступления с самого детства, хоть для этого ей и пришлось выдержать настоящую битву с отцом. Тот, сам бывший следователь, наотрез отказывался видеть дочь своим преемником. Кем угодно: переводчиком,

преподавателем, хоть физиком-ядерщиком, а иногда Яне казалось, что он согласился бы даже на стриптизершу – только не следователем. На то у него были причины. Когда-то из-за его работы погиб сын, Янин младший брат. Жена забрала Яну и ушла, не простив его. Затем, правда, бросила и ее, отослав обратно к отцу, но папа даже в этом умудрялся себя обвинить. Дескать, из-за него, из-за его работы бывшая жена и дочери жизнь сломала. Яна сначала не понимала этого бичевания, и лишь год назад Элиза по большому секрету рассказала ей, что, возвращая дочь отцу, ее непутевая мамаша заявила, что Яна напоминает ей о случившемся и причиняет этим боль. И если до этого Яна, не видевшая мать с десяти лет, еще втайне мечтала съездить к ней в гости, посылала открытки на праздники и писала длинные письма, то теперь оборвала всякое общение. Если у этой женщины хватило совести бросить не только мужа в трудную минуту, но и дочь, то о чем с ней вообще можно разговаривать? Как можно считать ее матерью? Лучше уж никакой, чем такая. И – вот ведь странность – после принятого решения Яна внезапно почувствовала, что стало легче дышать. Думала, что будет наоборот, что будет страдать, но оказалось, что это давно отболело, а она все еще продолжала тащить чемодан без ручки, стирая в кровь ладони.

В общем, поскольку работа в полиции Яну очень интересовала и после университета она собиралась идти работать в Следственный комитет и раскрывать преступления, она не удержалась от того, чтобы немножко послушать, о чем говорят преподаватель и его гость. И чем больше слушала, тем сильнее кровь отливала от ее лица, собиралась в животе и завязывалась в тугой узел страха. Того страха, который преследовал ее во снах, выжигая все вокруг. Яна пробовала отвлечься, снова погрузиться в конспекты, но ничего не выходило. Мужчины говорили тихо, и она едва сдерживала себя от того, чтобы не заорать: «Да говорите вы громче!»

Наконец незнакомец собрал бумаги, сказал Никите Андреевичу, что будет его ждать, и вышел. Яна сразу же поднялась и, не думая о том, что собирается признаться в некрасивом поступке, направилась к столу преподавателя. Кремнев этого даже не заметил, пришлось его позвать.

– Никита Андреевич, пожалуйста, расскажите, о чем вам говорил этот человек!

Наверное, не стоило так прямо, но окольными путями Яна ходить не умела. Такая уж уродилась, что теперь? В светло-карих глазах преподавателя сначала скользнуло удивление, а потом расплескалось черными крапинками

раздражение напополам с разочарованием.

– Яна, вам говорили, что подслушивать некрасиво? – уточнил он.

– Мне даже говорили, что уж коль подслушала, то хоть не афишируй это, – покачала головой Яна. – Но это важно! Тот мужчина полицейский, да? Он расследует какие-то дела, где маньяк похищает у жертв сердца?

Раздражение сменилось восхищением. Не то ее слухом, не то наглостью. И Яна поспешила продолжить, пока он не остановил:

– Никому другому я в этом не призналась бы, но вам могу, потому что вы поймете. Мне снятся сны. И в этих снах я держу в руках бьющееся сердце. Человеческое. Мои руки в крови, и мне очень страшно.

По мере того как она говорила, в глазах Никиты Андреевича появлялось еще одно новое чувство: любопытство. Яна думала, что его заинтересовал рассказ, но когда она закончила, он спросил:

– Почему вы думаете, что я пойму?

Она должна была, наверное, смутиться, но не стала. Если уж призналась в том, что подслушала разговор, глупо стесняться того, что слышала сплетни, бродящие по коридорам университета. Вряд ли для него это секрет.

– Потому что знаю, что о вас говорят.

– И что же?

– Что вы другой.

– Чокнутый?

– Экстрасенс.

Никита Андреевич усмехнулся.

– Я гораздо чаще слышу «чокнутый».

Яна смело выдержала его взгляд, глаза не отвела и не улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/timoshenko_natal-ya/koshki-myshki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити